

НЕ ЖИЗНЬ, А ДЕКОРАЦІЯ...

(Изъ провинціальныхъ настроеній).

I.

Е ЗНАЮ БОЛѢЕ подходящаго выраженія для опредѣленія текущей русской дѣйствительности, какъ то, которое поставлено въ заголовкѣ этихъ очерковъ. Куда ни оглянешься, какихъ сторонъ ни коснешься, вездѣ и во всемъ рѣшительно преобладаютъ «декораціи», а подлинной «жизни» за ними почти не видно и не слышно. Много декорацій надѣлано и донаставлено вездѣ и въ самыхъ бойкихъ нашихъ центрахъ, и въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ глухой провинціи, и на верхахъ общества, и въ мужицкомъ царствѣ, и на днѣ русской жизни. Это подавляющее количество декорацій вездѣ задаетъ тонъ и всюду назойливо лѣзетъ въ глаза, затѣняя подлинную жизнь и отодвигая ее куда-то далеко на самый задній планъ, гдѣ и съ огнемъ ее не сыщешь. И декораціи, надо правду говорить,—прескверныя, грубой, топорной работы и самыхъ нелѣпыхъ красокъ, въ невозможныхъ сочетаніяхъ, отвратительныхъ до тошноты. Но что же дѣлать!.. приходится и декораціями заниматься, разъ ничего болѣе жизненнаго не даетъ сейчасъ наша провинціальная дѣйствительность.

Разумѣется, я врядъ ли коснусь и миллионной доли тѣхъ явленій декоративнаго свойства, какими, къ сожалѣнію, такъ богата рус-

ская жизнь. Приходится ограничиться сравнительно немногими фактами и именно изъ области личных наблюдений, не касаясь того бездонного кладезя, какой представляет по этому предмету публицистика. Наблюдения относятся къ самому послѣднему времени и лишь изрѣдка дополняются небольшими экскурсами въ недавнее прошлое, для лучшей иллюстраціи.

Надо еще оговориться, что заголовокъ очерковъ принадлежит не мнѣ, а позаимствованъ у одного благополучнаго россиянина. О немъ кстати упомянуть, такъ какъ и онъ самъ представляет довольно типичное явленіе изъ міра русскихъ декораций.

На нижнемъ плесѣ Волги бѣгаетъ маленькій пароходикъ «финляндскаго» типа, принадлежащій къ флотилии путейскаго вѣдомства, именно къ отдѣлу «техническаго надзора» надъ рѣкой. Какъ ни наблюдаютъ за пароходикомъ приглядѣвшіеся къ нему обыватели, но никакъ не могутъ уловить функций этого представителя «техническаго» якобы «надзора» за Волгой и ея притоками. Бѣгаетъ себѣ пароходикъ туда и сюда, кого-то и что-то перевозитъ, но при чемъ тутъ Волга, и въ чемъ состоитъ «техническій надзоръ» за нею—представляется совсѣмъ непонятнымъ...

Замѣтили обыватели и ту особу изъ «водяновскихъ» чиновъ, которая все лѣто катается на пароходикѣ. Это толстякъ колоссальныхъ размѣровъ, съ трудомъ помѣщающійся въ маленькой каюткѣ пароходика. Хотя ради его и расширили двери каютки, а все же толстякъ не можетъ самостоятельно выбраться изъ нея, и матросы вытаскиваютъ его оттуда на палубу чуть не волокомъ. Провѣтрится наверху толстякъ и снова скроется къ каюткѣ. Въ этихъ мимолетныхъ визитахъ на палубу, повидимому, и заключается весь «техническій надзоръ» за рѣкой, ибо толстякъ носитъ званіе «техника»... Но обыватели больше склонны считать толстяка за неизбѣжный балластъ, необходимый для неустойчиваго пароходика.

Скоро, однако, обыватели раскусили, въ чемъ заключается главная миссія пароходика: оказалось, что онъ служитъ цѣлямъ развитія... пивной промышленности. Рейсируя между 2—3 приволжскими городами, пароходикъ ежедневно закупаетъ по три дюжины пива—и всѣ эти 36 (sic) бутылокъ неукоснительно потребляетъ въ теченіе сутокъ одинъ техникъ-толстякъ...

Отъ команды пароходика обыватели узнали, что только послѣ 10-й бутылки пива толстякъ приходитъ въ норму и, потирая руки, благодушно восклицаетъ: «не жизнь, а декорация!..» Пройдется онъ, посидитъ, полежитъ, посмотритъ на Волгу, выпьетъ, закуситъ—и все умиляется, повторяя на всѣ лады: «не жизнь, а декорация!..»

И такъ идетъ у него изо дня въ день, въ теченіе всей навигаціи, толстякъ благодушествуетъ, катаясь по Волгѣ и пополняя свои запасы пива. Какъ будто и дѣло дѣлаетъ, бороздя воды своего участка,

но это—одна «декорация», какъ онъ самъ добросовѣстно сознается, вѣчно повторяя свое любимое выраженіе.

Будемъ ему благодарны за это удачное выраженіе, лучше котораго не придумаешь для опредѣленія данной минуты...

II.

Разъ пришлось начать съ гг. «водяновскихъ» чиновъ, то надо и покончить съ ними, благо они всегда даютъ массу фактовъ декоративнаго свойства. Приводимые ниже факты дополняютъ уже отмѣченные въ прошлогоднихъ очеркахъ (см. въ «Неразберихѣ» IV главу о «вожескихъ пиратахъ»).

Въ одномъ изъ прежнихъ очерковъ ¹⁾ я разсказывалъ, какъ въ гор. Варнавинѣ, Костромской губ., прихожане соборной церкви изъ подгородныхъ деревень принимаютъ мѣры для укрѣпленія горы, на краю которой стоитъ старая деревянная церковь, а подъ нею лежатъ мощи мѣстно чтимаго св. Варнавы. Крестьяне увѣрены, что церковь никогда не сползетъ, такъ какъ-де «преподобный Варнава зналъ, гдѣ ему лечь навѣки нерушимо». Да и путемъ основательнаго изученія почвы они убѣдились, что на горѣ мѣстами плывутъ только верхніе слабые покровы, а основа горы, какъ состоящая изъ каменистыхъ породъ, незыблема. Плывущіе верхніе покровы прихожане укрѣпляютъ своими мѣрами и своими средствами, ни отъ кого не требуя ни гроша субсидіи, и общаются всегда, когда понадобится, производить даромъ эти работы. Они даже ручаются въ будущемъ за своихъ дѣтей, что и тѣ позаботятся о Варнавиной горѣ, лишь бы не трогали преп. Варнаву, а то онъ «уйдетъ» отъ нихъ ²⁾. Говорилось это въ виду проекта сломать старую церковь, красиво висящую на обрывѣ горы, и перенести ее, съ мощами св. Варнавы, въ болѣе «безопасное» мѣсто.

Какъ видите, тутъ все обстоитъ благополучно и никакихъ декораций не требуется. Однако онѣ вдругъ явились и съ самой неожиданной стороны... За «укрѣпленіе» завѣдомо крѣпкой горы взялось не духовное вѣдомство, даже не городъ съ земствомъ, а... путейское вѣдомство...

Правда, Варнавина гора находится на берегу р. Ветлуги, подчиненной «судоходному надзору», и лежитъ вблизи паровой пристани Варнавина. Но гора не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ рѣкѣ, ни къ судоходству, ни къ городской пристани. Между подошвою горы и рѣкою лежитъ широкій бечевникъ, и если бы гора совсѣмъ сползла сюда, то Ветлуга и не охнетъ.

¹⁾ См. «Затишье» въ «Ист. В.», 1909 г., № 3.

²⁾ Въ недавнее время среди варнавинцевъ стала расти легенда, что «п. св. Варнава уже глѣтъ въ Варнавинѣ — ушелъ въ Царьградъ».

Словомъ, гг. водяновскимъ нѣтъ и не предвидится ни малѣйшаго дѣла до Варнавиной горы, а они вдругъ заинтересовались ею, выхлопотали у министерства 14 тысячъ и стали орудовать. Ковырялись они около горы и зимою 1909 г., и весною 1910 г., задумали строить какую-то дамбу, вбили 4 сваи—и на томъ покончили...

Вѣроятно, отпущенныхъ денегъ уже не хватило и придется просить о дополнительномъ кредитѣ, затѣмъ о ремонтѣ «4 свай» и т. д. А вбитыя сваи, дѣйствительно, уже требуютъ ремонта: грунтъ оказался такимъ каменистымъ, что сваи не идутъ глубоко и быстро расщепляются, несмотря на надѣтые на нихъ желѣзные «башмаки».

Г-да водяновскіе охотно ухватились за это чисто декоративное дѣло, вѣроятно, отъ бездѣлья и скуки... Прошло то время, когда на Волгѣ буквально бросались въ воду милліоны, пройдя, конечно, предварительно сквозь цѣпкія руки строителей безнолезныхъ и вредныхъ дамбъ, плотинъ и т. д. За отсутствіемъ милліоновъ, надо радоваться и немногимъ тысячамъ. И невольно припоминаются нѣкоторыя «декорации» изъ недавняго прошлаго, когда память о милліонахъ уже отошла въ область преданій, но тысячи бросались въ воду еще довольно свободно.

Устье р. Ветлуги при впаденіи въ Волгу развѣтвляется на два рукава, огибающіе маленькій островокъ. Оба пролива сильно заносятся песками, и одинъ сталъ совсѣмъ непроходимымъ для судовъ, а второй они съ трудомъ проходятъ. Чтобы сдѣлать послѣдній болѣе многоводнымъ, рѣшено было первый проливъ загородить плотинной. На эту работу было отпущено 17 тысячъ.

Первымъ дѣломъ—разсказывали очевидцы—строители сняли въ ближайшемъ гор. Козьмодемьянскѣ прекрасную квартиру, завели громадную канцелярію, «привезли изъ Казани 10 дѣвокъ» (ибо въ скромныхъ городкахъ этого строительнаго матеріала не водится), бочки вина, горы закусокъ и т. д. И пошла тутъ «не жизнь, а декорация»...

А на устьѣ Ветлуги сидѣли десятичники съ рабочими и что-то ковыряли въ водѣ. Тысячъ пять здѣсь брошено въ воду на безнолезныя, не доведенныя до конца (за оскуднѣемъ кредита...), чисто декоративныя работы.

На Сормовскихъ заводахъ водяное вѣдомство заказало для своихъ нуждъ «камнедробилку», т. е. судно съ машинною, которая поднимаетъ камни со дна рѣки, раздробляя ихъ. «Нодъемный краиъ», «рамы» и другія части машины вѣсятъ до двухъ тысячъ пудовъ, а корпусъ судна сдѣланъ не желѣзный, а деревянный и очень жиденькій. Заводскіе техники указывали на эту ненормальность, но водяновскіе настояли на своемъ... На что имъ прочное судно, разъ оно не требуетъ ремонта?!

Сормово взяло 50 тысячъ и соорудило требуемое судно. Камнедробилку свели на Кремянскій перекалъ, и здѣсь, при первой же

работѣ, оно было разбито своимъ же подъемнымъ краномъ... Слабый корпусъ не выдержалъ тяжести крана, который, къ счастью, упалъ на сторону, только помявши борта и едва не перевернувши судно. Упавъ кранъ въ середину, въ машинное отдѣленіе, произошелъ бы взрывъ котла и всѣ связанные съ нимъ ужасы пожара и гибели людей.

Пошло судно на ремонтъ. Водяновскіе снова отказались отъ желѣзнаго корпуса и оставили тотъ же деревянный, сдѣлавши его нѣсколько крѣпче. Эта сомнительная «декорация» работаетъ теперь съ трудомъ и не безъ опасности подъ Саратовомъ, доставая камни изъ пресловутыхъ миллионныхъ дамбъ, созданныхъ нѣкогда г.г. водяновскими «въ цѣляхъ улучшенія судоходства», а нынѣ разрушаемыхъ ими же и буквально въ тѣхъ же цѣляхъ «улучшенія судоходства»...

За отказомъ казны бросать деньги въ воду, водяновскіе обратили вниманіе на берега и тутъ выступаютъ съ разными декоративными проектами, то насчетъ мнимой охраны св. Варнавы, то съ предложеніемъ устроить береговой телефонъ, и т. п. Такой телефонъ существовалъ въ 1890-хъ гг. между Нижнимъ и Казанью, но былъ такъ нелѣпо устроенъ водяными инженерами, что въ первую же весну поемная вода унесла большинство столбовъ. Теперь же они предлагаютъ проложить проволоку подъ землю и подъ водою. Большая работа, а ремонту-то сколько понадобится, и безъ конца...

Наивные люди увѣряютъ, что постройка новаго телефона обойдется не особенно дорого, такъ какъ-де «дорогая мѣдная проволока стараго телефона вся собрана и *хранится* въ Казани»... Увы! одинъ волгарь рассказалъ мнѣ, какъ «собиралась» эта проволока и какъ затѣмъ хранилась она въ Кабачищенскомъ затонѣ подъ Казанью...

Для снятія проволоки былъ назначенъ путейскій пароходъ, который чуть не все лѣто провозился надъ этимъ нехитрымъ дѣломъ. Съ нимъ не торопились, такъ какъ вся команда убѣдилась, что дорогая проволока паходитъ отличный сбытъ на всѣхъ попутныхъ пристаняхъ. Такъ и «кормились» сытно и пьяно весь путь отъ Нижняго до Казани...

Остатки проволоки были сданы на храненіе въ путейскіе склады Кабачищенскаго затона, но она такъ «хранилась», что не тащилъ ея только тотъ, кто не хотѣлъ тащить. Команды зимовавшихъ здѣсь судовъ благословляли судьбу за ниспосланный кладъ... Кому приходила охота побесѣдовать съ «мерзавчикомъ», тотъ спокойно шелъ въ складъ, отламывалъ проволоки, сколько надо, и несъ ее, куда слѣдуетъ. Такъ и пропили за зиму казенное добро сами охранители его...

При закупкѣ разныхъ припасовъ для путейскихъ пароходовъ обычно продѣлывается такой извѣстный пріемъ: «въ одни ворота склада,—разсказывалъ одинъ водяновскій чинъ,—привозятся нефть,

масло и другіе припасы, а въ другія ворота они вывозятся и за полѣтны продаются тѣмъ же поставщикамъ»...

На одномъ путейскомъ пароходикѣ поставили новую форсунку и для испытанія ея командировали особаго техника, съ суточными, прогонными и т. д., хотя на пароходикѣ сидѣлъ свой техникъ, тоже не лыкомъ шитый. Оба техника благодумствовали въ каютѣ, а испытаніе форсунки производила своя машинная команда, дѣлавшая такъ: одно ведро нефти шло въ машину, а другое за бортъ... По такому «расходу» и расчетъ сдѣлали.

Недѣлями и мѣсяцами путейскіе пароходы стоятъ безъ паровъ, а расходъ на топливо и прочее выписывается каждыя сутки... и т. д. Конца краю нѣтъ подобнымъ подлымъ «декораціямъ» водяновской «службы»!..

По случаю мелководья прошлой навигаціи, съ іюля открылись въ разныхъ пунктахъ Волги «обмѣрные посты», которые обязаны провѣрять осадку судовъ груженныхъ и пропускать ихъ для дальнѣйшаго хода, или задерживать и заставлять «паузиться», если нагрузка была чрезмѣрная и суда не могли пройти на слѣдующихъ перекатахъ. Эта обмѣрка—дѣло весьма нехитрое, и его легко могли бы обслуживать 2—3 человѣка изъ наличнаго состава водяновскихъ чиновъ, которыхъ вездѣ масса, всѣ они слоняются безъ дѣла и скучаютъ отъ бездѣлья. Но водяныя власти не привлекли къ этому пустому дѣлу своихъ чиновъ, а наняли новыхъ временныхъ работниковъ, тратя на каждый обмѣрный постъ болѣе 200 р. въ мѣсяцъ.

Въ Васильсурскѣ «обмѣрщиками» состояли 3 студента, получавшіе каждый 50 р. въ мѣсяцъ, а при нихъ 5 гребцовъ (больше подростки), съ платою каждому 12 р. (старшему рулевому больше). Не скупясь на жалованье, путейское начальство помѣстило этихъ 8 человѣкъ въ такихъ мурьяхъ, въ какихъ не всякій бурлакъ согласится проживать...

У пристани Каменскихъ поставили на якоряхъ и причалѣ 2 крытыхъ суденышка, въ родѣ «косоушекъ», длиною меньше 3 сажень, шириною около 1 сажени. На налубахъ устроены каютки-мурья, менѣе 2 саж. длины и полсажени ширины, и въ нихъ болѣе 2 мѣсяцевъ «жили»,— на одномъ суденышкѣ 3 студента, на другомъ 5 рабочихъ...

И это продѣлывалось въ холерное время... Впрочемъ, то ли еще творилось на Волгѣ, подъ опекою гг. водяновскихъ...

Дожидаюсь въ городѣ Хвалынскѣ парохода на Меркурьевской пристани, я замѣтилъ въ пассажирской каютѣ чей-то хламъ на лавкѣ—какую-то рвань изъ платья, узелки и пр. Подлѣ вертѣлся мальчишка и перебиралъ въ корзинѣ колбасы. Спрашиваю его:

— Куда ѣдешь?

— А никуда... я здѣшній... продаю вотъ колбасу по пристанямъ.

— Чей же это багажъ?

— Да тутъ живетъ холерный мужикъ...

— Какой холерный?!

— А который снимает холерныхъ съ пароходовъ и возить ихъ въ городъ, въ больницу... А я ему когда помогаю, а когда торгую колбасой... Не угодно ли? самая свѣжая!..

— Спасибо, братъ...

Въ пассажирской каютѣ «образцоваго» пароходства «живетъ холерный мужикъ», тутъ же валяется его рвань, въ которой онъ «снимаетъ холерныхъ», тутъ же стоитъ и корзинка съ колбасами, кои продаетъ пассажирамъ помощникъ «холернаго мужика»!..

Не дождавшись «образцоваго» парохода, я сѣлъ на пароходъ Волжскаго общества «Императрица». Рейсъ оказался злосчастнымъ—мы почти весь путь шли «подъ желтымъ флагомъ»: въ Симбирскѣ сдали двухъ холерныхъ, въ Тетюшахъ одного, въ Ставрополѣ—умершаго не отъ холеры грудного ребенка, на сдачу котораго потребовалось болѣе 2 часовъ, пока явилась полиція за 5 верстъ изъ города (дѣло было въ іюлѣ, на лѣтней пристани). Въ Козьмодемьянскѣ хотѣли сдать пассажира, заболѣвшаго брюшнымъ тифомъ, но докторъ, чтобы отдѣлаться отъ него, призналъ его «холернымъ» и не снялъ, «за отсутствіемъ холернаго барака» въ такомъ большомъ городѣ... Пришлось везти до слѣдующаго путейскаго барака—въ городѣ Василѣ.

Не доходя пристаней, мы остановились противъ барака и стали вызывать доктора. Выѣхала лодка съ 2 сторожами и носилками, причалила къ пароходу. Нашъ командиръ спрашиваетъ:

— А что же докторъ не выѣхалъ?

— Доктора у насъ нѣтъ...

— Сами возьмете больного?

— Безъ доктора не возьмемъ...

— Зачѣмъ же выѣхали, если нельзя безъ доктора?!

Публика хохочетъ, сторожа ухмыляются, командиръ горячится, возмущенный весьма этими нелѣпыми задержками изъ-за чисто декоративныхъ «холерныхъ мѣропріятій»... Пароходу пора уже быть въ Нижнемъ, а онъ еще до Василя не дотащился... Волнуются и дѣловые пассажиры, торопившіеся въ Нижний (передъ открытіемъ ярмарки), въ Москву и т. д.

Изъ разспросовъ сторожей оказалось, что надо вызвать мѣстнаго земскаго доктора, получающаго по пяти рублей за cadaго холернаго, снятаго съ парохода. Послали за нимъ и, хотя онъ живетъ въ 15 минутахъ ѣзды отъ мѣста нашей остановки, но пріѣхалъ на пароходъ черезъ часъ слишкомъ... Онъ призналъ согласно съ пароходнымъ фельдшеромъ, что пассажиръ боленъ тифомъ, и согласился взять его въ свою больницу.

На всю эту процедуру ушло болѣе 2 часовъ, пока «Императрица» получила разрѣшеніе подойти къ своей пристани въ Василѣ и вы-

пустить пассажировъ. Разумѣется, всѣ эти декоративныя «мѣропріятія» только наносили убытки и пассажирамъ, и пароходамъ, не принося никакой существенной пользы въ борьбѣ съ холерой.

III.

Перехожу къ инымъ «декораціямъ» провинціальной жизни, начиная съ низовъ ея—съ гг. мужичковъ. Что ихъ житіе сверху до низу заставлено всевозможными декораціями — это сноконъ вѣка извѣстно. Всѣ такъ привыкли къ нимъ, что не замѣчаютъ ихъ, но на свѣжаго человѣка онѣ производятъ подавляющее впечатлѣніе.

Не могу забыть одну встрѣчу на Волгѣ, въ 1902 году. Ъхалъ я на «волжскомъ» пароходѣ «Царь» до Астрахани, и до Саратова короталъ время съ направлявшимся туда на какой-то педагогическій съѣздъ народнымъ учителемъ съ Волыни. Онъ носилъ громкую баронскую фамилію обрусѣвшей нѣмецкой семьи, былъ прекрасно образованъ, воспитанъ, хорошо знакомъ съ Европой и ея культурой и при всемъ томъ не побоялся игти по скромной и тяжелой дорогѣ сельскаго учителя, что удалось ему послѣ цѣлаго ряда разныхъ мытарствъ. Чиновники вѣдомства «просвѣщенія» хорошо поняли, что баронъ совсѣмъ не чиновникъ, а идейный человѣкъ, ради идеи служенія народу добивавшійся учительства. Они долго не давали ему званія учителя, но баронъ добился своего и былъ очень доволенъ работой на излюбленномъ поприщѣ.

Молодой человѣкъ былъ очень симпатиченъ и своей идейностью, и всѣмъ своимъ нравственнымъ обликомъ—необыкновенною мягкостью, сердечностью, чуткостью, отзывчивостью. Но какая-то глубокая грусть залегала въ его добрыхъ глазахъ и чѣмъ-то трагическимъ вѣяло отъ нѣкоторыхъ его рѣчей на политическія злобы дня. Онъ, видимо, терялся предъ надвигавшейся революціонной грозой, отдаленные раскаты которой и тогда уже чувствовались знатоками деревни... Черезъ два года послѣ нашей встрѣчи на Волгѣ, т. е. въ самомъ началѣ революціи, я съ прискорбіемъ узналъ, что милый баронъ покончилъ самоубійствомъ гдѣ-то на Волыни, но какимъ именно причинами—мы не могли сообщить...

Но во время нашей встрѣчи на «Царѣ» нельзя было ожидать такого конца: баронъ былъ полонъ жизни, увлекался своимъ дѣломъ, восхищался поэзіей Волги, которую видѣлъ въ первый разъ. Но любящее сердце идейнаго народолюбца, отдавашаго жизнь на служеніе народу, обливалося кровью при поверхностномъ даже знакомствѣ съ жизнью приволжскаго населенія... Мягкій по натурѣ баронъ тутъ негодовалъ, возмущался, нервно хваталъ меня за руку и, указывая на попутные городки, села, деревни, съ жаромъ говорилъ: — Посмотрите! посмотрите!.. Что же это такое?! Развѣ такъ живутъ люди? Развѣ это настоящая жизнь?! Эти жалкія избы и

домишки, полуразвалившиеся, ободранные... пустые дворы, без зелени садов... кривые улицы, всё в навоз и всякой дряни... А как они одёваются во всякую рвань... как ёдят невозможную дрянь—сходите-ка в третій класс и посмотрите!.. А как пьют, как они грубы и жестоки... даже молодежь—и она не даёт отрады...

Взволнованный баронъ умолкъ. Я попробовалъ смягчить набросанныя имъ краски и защититъ волгарей, указывая на ихъ значительную энергію, относительное развитіе, на ростъ духовныхъ запросовъ и т. д. Но баронъ прервалъ меня:

— Нѣтъ! нѣтъ, не говорите!.. Знаю, что есть прекрасныя, здоровыя, симпатичныя явленія въ народѣ и у васъ, на Волгѣ, и у насъ, на югѣ, и вездѣ. Но вѣдь это исключенія—и такія ничтожныя, жалкія для миллионныхъ массъ... А общій тонъ жизни народа?—одинъ ужасъ!.. Это вѣдь не жизнь, а такъ что-то полуживое... Масса живетъ спуская рукава, кое-какъ, сегодня да завтра... Это не осёдлый народъ, способный къ культурѣ, а каніе-то кочевники, кое-какъ проживающіе на бивуакѣ... вотъ снимутся и уйдутъ!..

Не оттого ли и погибъ такъ рано этотъ несомнѣнный народолюбецъ, что окончательно потерялъ вѣру въ народъ и не могъ пережить своего горькаго разочарованія?.. Во всякомъ случаѣ, въ его рѣчахъ было много горькой правды... Если гдѣ у насъ всего болѣе нѣтъ настоящей жизни и всего болѣе она напоминаетъ самыя плохія декорации, замѣняющія жизнь, то именно въ деревнѣ.

Безусловно правъ баронъ, называя жизнь мужика «кочевой» и «бивуачной»: эти черты проникаютъ всюду сверху донизу жизнь мужика. На «бивуакѣ» живутъ не только деревенская бѣднота, но и богачи-мужики. Иной тысячникъ построитъ большой домъ, но неуютный, опасный въ пожарномъ отношеніи, безъ всякихъ хотя бы примитивныхъ «удобствъ» и относительнаго комфорта. Домъ будетъ обставленъ дешевой мебелью, но грубою, безвкусною, неудобною.

Въ богатомъ с. Спаскомъ Васильскаго у., какъ и въ другихъ центрахъ кожевенной промышленности, дома богатыхъ скупщиковъ кожъ (съ капиталами въ десятки тысячъ) обставлены дорогой мебелью, стоятъ горки съ серебромъ и т. п., а тутъ же рядомъ, за легонькой перегородкой, не доходящей до потолка, сушатся кожи, только что снятыя съ палаго скота... Угощая гостей чаемъ, закусками и т. д., хозяинъ поминутно бѣгаетъ за перегородку посмотрѣть, «какъ спѣютъ кожи», ковыряетъ ихъ пальцами, сдираетъ куски гнилого мяса и, не помывши рукъ, снова садится за столъ и угощаетъ гостей...

«Кочевники», населяющіе большое приволжское с. Савелово, откуда начинается Савеловская желѣзная дорога (въ Москву), имѣютъ хорошій заработокъ отъ перевозки пассажировъ съ пристани до станціи и обратно, но возятъ ихъ уже много лѣтъ въ «эки-

пажахъ», существующихъ, вѣроятно, со временъ «скифовъ». Это—простыя «навозницы», состоящія изъ двухъ сбитыхъ изъ досокъ стѣнокъ, опускающихся поперекъ, подъ довольно острымъ угломъ, на узенькое дно «экипажа», весьма удобнаго для перевозки навоза, сѣна и т. п., но никакъ не людей...

Но савеловцамъ некогда подумать о настоящихъ экипажахъ, какъ ихъ сосѣдямъ—«кочевникамъ» Кашинскаго уѣзда—о своихъ дорогахъ... Русскія проселочныя дороги пользуются всемірною извѣстностью, но такой, съ позволенія сказать, «дороги», какъ та, что идетъ съ Сергіевской пристани на Волгѣ до Кашина, трудно найти и между русскими дорогами. Это—отнюдь не дорога, а словно русло изсякающей рѣчки, состоящее изъ непрерывнаго ряда ямъ, колдобинъ, трясинъ, заполненныхъ водою... И если мы остались цѣлы и даже не поломали здѣсь своихъ костей, направляясь въ живописный Кашинъ, то благодаря лишь тому, что мѣстный извозчикъ везъ насъ въ огромномъ, тяжеломъ, крѣпкомъ рыдванѣ, вѣроятно, XVIII вѣка. Легкія «навозницы» здѣсь не мыслимы.

А вѣдь эта «дорога» соединяетъ волжскую пристань съ большимъ, культурнымъ городомъ... Правда, съ Волги ведетъ въ Кашинъ и другая, лучшая дорога (отъ Калязина), но она вдвое длиннѣе, и большинство ѣдущихъ съ Волги направляется на Сергіево. Годъ назадъ именно по Сергіевской дорогѣ двигалась въ Кашинъ масса богомольцевъ, ѣхавшихъ на открытіе мощей св. Анны Кашинской. Говорятъ, тогда дорога была «малость исправлена». Мы мучились на этой дорогѣ годъ спустя, но не замѣтили никакихъ слѣдовъ исправленія.

Извѣстно, какъ у насъ «исправляются» руками мужиковъ подобныя дороги... Нѣсколько лѣтъ назадъ посѣтила Василь высокая особа, вояжировавшая по Волгѣ. Захотѣлось ей побывать въ сосѣднемъ Черемисскомъ мужскомъ монастырѣ, и начальство нагнало чинить дорогу крестьянъ подгородной Пахотной слободы. Встрѣчаю одного изъ представителей власти и говорю:

— Захлопотались вы... но нѣтъ худа безъ добра: вотъ монастырскую дорогу поправите...

— Э! намъ хоть бы на часъ поправить, пока высокій гость проѣдетъ...

Въ томъ же Василѣ зимняя дорога идетъ по самой Волгѣ, у праваго берега. Въ шести верстахъ ниже города, за Тюлѣвымъ перевозомъ, этотъ зимнякъ переѣкаетъ «теплые ключи» (ржавые желѣзистые), которые не даются укрѣпиться льду, размываютъ его, и онъ проваливается. Каждую зиму здѣсь тонутъ люди, лошади, сани... и каждую зиму дорогу прокладываютъ тутъ, хотя обойти эти «теплые ключи» очень легко и просто, проведя дорогу ближе къ лѣвому берегу, то есть удлинивъ ее около полверсты. Но «кочевникамъ» лѣнь и это сдѣлать, и они отдѣляются обычнымъ «мотивомъ»:

— Ничаво, коли кто и выкупается за зиму... мѣсто тамъ не болѣе глубокое... Споконъ вѣка тутъ ѣздимъ!..

Кое-что изъ обычаевъ «споконъ вѣка» было и хорошее, а теперь пошло на смарку. Крайне рѣдко гдѣ можно встрѣтить прочныя домотканныя матеріи, коимъ вѣка нѣтъ, какъ и старинныя сарафаны и другія одежды, такъ прекрасно приносившія къ деревенской работѣ и всей обстановкѣ, равно и къ нашему климату. Ихъ замѣнили неудобныя «городскія платья» изъ непрочнаго ситчика, «спинжаки» и т. п. быстро изнашивающіеся «модные» костюмы. Оттого русская толпа въ своемъ рабочемъ одѣяніи представляетъ нѣчто очень рваное, грязное, безцвѣтное...

Ухудшилось и питаніе народное. Народъ видимо слабѣетъ отъ недостаточной и однообразной пищи. Въ тѣхъ мѣстностяхъ по верхней Волгѣ, Шекснѣ, Мологѣ и др., гдѣ развиты маслослѣльные и сыроваренныя заводы, дѣти остаются безъ молока и плохо развиваются. Здѣсь же, какъ почти по всей Волгѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, идетъ усиленная скупка яицъ для городовъ и заграницы, и народъ совсѣмъ пересталъ потреблять этотъ полезный продуктъ. Домашняя птица и порѣдѣвшая въ оскудѣвшихъ лѣсахъ дичь также идетъ на продажу, не попадая на крестьянскій столъ.

Въ изсякающихъ рѣкахъ, рѣчкахъ, озерахъ все менѣе и менѣе становится рыбы, она дорожаетъ и становится мало доступною для крестьянъ. На уменьшеніе рыбы сильно повліяли чисто хищническіе приемы и орудія ловли, въ родѣ «шашковой снасти» (или «черной снасти»), доселѣ излюбленной рыбаками, хотя «запрещенной» еще Петромъ Великимъ...

Только недавно додумались у насъ до рыболовнаго «надзора», введеннаго повсемѣстно (раньше онъ существовалъ только на низахъ Волги, на Каспін, Уралѣ, на Дону и т. п. крупныхъ рыболовствахъ). Но этотъ «надзоръ» сразу же оказался чисто декоративнымъ... Напримѣръ, въ Самарѣ надзоръ порученъ мѣстному обществу любителей рыбной ловли, которое завело специальный пароходикъ для контроля за ловцами и тonyaми. Но гг. контролеры ухитрились завести пароходъ съ такой шумной машиной, что ее слышно за 30 верстъ... И пока онъ подойдетъ къ рыбакамъ, тѣ не торопясь припрятуютъ всѣ запрещенныя снасти и съ видомъ невинныхъ младенцевъ безбоязненно встрѣчаютъ «контрольный» пароходикъ, а проводивши, помираютъ со смѣху надъ нимъ...

И вездѣ на Волгѣ, Ветлугѣ, Сурѣ, на Камѣ съ ея притоками свободно разгуливаетъ «запрещенная» черная снасть, употребляемая специально для ловли самой дорогой рыбы—стерляди, и губящая ее бесполезно для человѣка (пораненная рыба срывается съ крючковъ и гибнетъ). Рыбаки увѣряютъ, что «стерлядь любитъ шашковую снасть», т. е. всего больше на нее ловится. Это, пожалуй, и правда, однако вотъ на Шекснѣ въ ходу совершенно другая и

безвредная спась—«кужовая» («кужи»—плетушки изъ черемховыхъ прутьевъ, куда рыба попадаетъ, не ранивъ себя): и се стерлядь тоже «любитъ»... Слѣдовало бы и волжскую, камскую и другую стерлядь приучить къ этой спаси.

Всего болѣе хлопоча о поимкѣ дорогой стерляди, рыбаки не знаютъ настоящей стоимости ея и сбываютъ ее скупщикамъ за пустяки. Въ Василѣ одинъ скупщикъ какъ-то заплатилъ рыбаку 17 рублей за 4 «мѣрныхъ» стерляди, отъ 8 до 12 вершковъ, а самъ продалъ ихъ богатому пароходчику за 50 рублей. Въ столицахъ и большихъ городахъ дали бы за этихъ стерлядей много дороже.

До чего дошло оскудѣніе рыбы на Волгѣ, достаточно привести хоть бы такой фактъ, что въ томъ же Василѣ зимою стала появляться мороженая рыба изъ... Казанька!.. На Волгу везутъ рыбу изъ Средней Азіи...

Отнюдь уже не оскудѣніемъ, а простымъ неумѣніемъ вести садовое хозяйство объясняется тотъ цѣлѣнный фактъ, что въ Василѣ—одномъ изъ яблочныхъ центровъ на Волгѣ—зимою нельзя достать своихъ яблокъ, но крымскіе бываютъ благодаря предпримчивости мѣстныхъ татаръ, запасавшихся этими яблоками, лимонами, апельсинами въ Нижнемъ и Казани. И васильчане, не умѣющие сберегать на зиму свои дешевыя яблоки, тратятся на дорогія крымскія...

Вообще, садовое хозяйство въ этомъ и другихъ яблочныхъ центрахъ на Волгѣ ведется въ высшей степени халатно, кое-какъ, какъ и все на Руси. «Пошлетъ Господь яблочка»—эти горе-садоводы торжествуютъ, и то не надолго, такъ какъ обильный урожай низводитъ цѣны до убыточныхъ. «Не далъ Господь яблочка»—и они вѣшаютъ носы, такъ какъ не знаютъ приемовъ заправскихъ садоводовъ, у которыхъ бываютъ ежегодные урожанъ фруктовъ. На Волгѣ считается нормальнымъ, что истощенныя чрезмѣрнымъ урожаемъ деревья «отдыхаютъ» по 3—4 года, почти ничего не давая за это время.

Въ урожайные годы налетаетъ въ яблочные центры саранча—съемщики садовъ, которые и снимаютъ сливки съ урожая. Прошлѣе лѣто и въ Василѣ хозяинъ небольшого сада получилъ всего 18 рублей, а съемщикъ выручилъ 160 рублей. Одна васильчанка сдала свой садъ за 95 рублей и получила 25 рублей задатка. Но когда съемщикъ одного ранняго «налива» собралъ 40 пудовъ и продалъ по 1 рублю пудъ, а болѣе позднихъ сортовъ рассчитывалъ собрать до 500 пудовъ, хозяинка вернула ему задатокъ и подарила наливъ, лишь бы онъ отказался отъ аренды, на что онъ и согласился...

Уходъ за садами самый примитивный: валять подъ деревья навозъ зря, въ немнѣрномъ количествѣ, плодя червей, мошекъ и всякаго «гноса», губящаго деревья,—и тѣмъ дѣло кончается,

а дальнѣйшій уходъ предоставляется Господу Богу... Споконъ вѣка разводятся одни и тѣ же сорта—анистъ, боровинка, маль, паливъ и другіе, а болѣе высокихъ сортовъ не знаютъ. На Волгѣ, ниже Казани лежитъ с. Антоновское—родина извѣстныхъ «антоновскихъ» яблокъ, нашедшихъ теперь сбытъ даже за границей, какъ одинъ изъ лучшихъ зимнихъ сортовъ. А его не знаютъ на Волгѣ даже въ близкомъ разстояніи отъ его родины... Въ нижегородскомъ Поволжѣ могли бы разводиться нѣкоторые сорта грушъ и сливъ, но никто почти объ этомъ не помышляетъ. Не знаютъ здѣсь ни заготовки фруктовъ впрокъ на зиму, ни сушки ихъ въ большихъ размѣрахъ (для домашняго употребленія практикуется), ни выдѣлки сидра (не считая скромныхъ попытокъ въ Казани и Самарѣ) и пр. и пр.

Всему этому и многому другому могъ бы научиться обыватель, но самъ онъ еще не додумался до того, какъ не додумались земства, города и подходящія министерства до необходимости завести въ садовыхъ центрахъ «садовыхъ инструкторовъ», «образцовые сады» и т. д.

Впрочемъ, весьма позволительно усомниться: будетъ ли отъ того какой толкъ?.. Мало ли на Руси разсѣяно образцовыхъ сельскихъ хозяйствъ, а подвинули ли они хоть на шагъ хозяйство русскаго мужика? Нисколько, если не считать очень-очень рѣдкія исключенія...

Положимъ, въ «барина» мужикъ не вѣритъ и, быть можетъ, именно потому не хочетъ учиться у него добру... Но въ послѣднее время начали изрѣдка появляться довольно культурныя хозяйства у болѣе или менѣе интеллигентныхъ крестьянъ, однако и за ними мужикъ не идетъ...

Кассиръ парохода «Кубина» (дѣлаетъ рейсы между Вологдой и озеромъ Кубинскимъ), крестьянинъ Вологодской губерніи, съ грустью разсказывалъ, что его земляки обращаютъ ноль вниманія на его образцовое маленькое хозяйство, которое онъ ведетъ совмѣстно съ своимъ братомъ, волостнымъ старшиною, наѣзжая и самъ туда временами. У него заведены улучшенные плуги, сѣялки, молотилки и прочее, образцовыя сѣмена и т. д., благодаря чему урожанъ у него всегда хорошій, а у мужика вѣчные недороды. Все это они отлично видятъ и—ни шагу съ мѣста... Даромъ предлагаетъ онъ имъ пользоваться молотилкою и другими орудіями—и никто не беретъ...

Мужики остаются при своей извѣчной трехпольной системѣ, окончательнаго истощающей землю, со слабымъ скотомъ, мало дающимъ навоза, при допотопныхъ орудіяхъ и т. д. Крестьянинъ Юрьевоцкаго уѣзда (Костромской губерніи) разсказывалъ:

— Сельское хозяйство у насъ споконъ вѣка ведется по черехъ...

— Какъ такъ?!

— Очень просто: мы глядимъ, какъ черемуха завязывается, распускается, зацвѣтаетъ и прочее. А по этимъ примѣтамъ начинаемъ пахать, сѣять и прочее.

— И не обманываетъ васъ черемуха?..

— Ну, какъ вамъ сказать?.. не безъ того, что коли она и обманетъ... а больше правду кажетъ... Божья воля!..

Голь на выдумки хитра... Крестьяне с. Юрина, Васильскаго уѣзда, бывшіе крѣпостные гг. Шереметевыхъ (не графовъ), почему-то не получили никакихъ земельныхъ падѣловъ, кромѣ усадебныхъ (кажется, они бывшіе дворовые), и занимаются больше производствомъ рукавицъ и работой на кожевенныхъ заводахъ. Луговъ у нихъ нѣтъ, а коровъ держать охота. Чѣмъ ихъ кормить—юринцы ухитрились: стали приучать телятъ ѣсть корье, то есть размельченную кору тальника, выбрасываемую на кожевенныхъ заводахъ послѣ дубленія кожъ. Этотъ отбросъ ничего не стоитъ, а смѣшанный съ мукою, пудъ на пудъ, является очень питательнымъ и нисколько, говорятъ, не вреднымъ кормомъ для молочнаго скота (лошади упорно отказываются). Приучаясь къ корью съ телячьего возраста, коровы охотно ѣдятъ его, и ихъ удоиность и густота молока увеличиваются, а переведенныя въ другія мѣста юринскія коровы скучаютъ по корью и начинаютъ давать меньше молока и жиже. Но именно приучать ихъ надо съ телятъ, а чужія коровы, приведенныя въ Юрино, отъ корья отказываются.

Кочевыя наклонности русскаго мужика особенно рѣзко сказываются въ его отношеніяхъ къ мѣсту: только кочевникъ способенъ такъ варварски истреблять лѣса, какъ истребляетъ ихъ русское населеніе. Въ этомъ грѣхѣ повинны уже не одни мужики, но и крупные лѣсовладѣльцы и лѣсопромышленники. Однако мужики всѣхъ перещеголяли и теперь «крестьянскіе лѣса»—большая рѣдкость въ русской деревнѣ.

Припоминаю, съ какою понятною гордостью рассказывалъ о своемъ лѣсѣ крестьянинъ с. Тимошкина (Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи), лежащаго подлѣ станціи Шилово (Казанской желѣзной дороги) и пристани того же имени на Окѣ. Можетъ быть, тимоскинцы потому оказались болѣе культурными людьми, что они были освобождены своей помѣщицей г-жой Луниной отъ крѣпостной зависимости раньше 1861 г. Отпуская на волю, она дала имъ достаточно земли и болѣе 50 десятинъ лѣса, который крестьяне сберегли доселѣ, рубя его въ самыхъ крайнихъ случаяхъ—на нужды погорѣльцевъ и т. п. Дровами же и лѣсомъ для мелкихъ надѣловъ пользуются изъ мелколѣся, подареннаго имъ помимо того строеваго лѣса. Крестьянинъ закончилъ рассказъ такъ:

— Два раза въ году мы всѣмъ міромъ поминаемъ свою добрую барыню... А свой лѣсъ всегда будемъ беречь и не станемъ зря сво-

дять, какъ вотъ сводять послѣднія около Шилова рощи сосѣдніе помѣщики...

Это рѣдкій, исключительный случай, совсѣмъ не похожій на обычныя отношенія къ лѣсу русскихъ «кочевниковъ», нисколько не заботящихся о своемъ будущемъ. Разсказывали такой случай: въ извѣстномъ кожевенномъ центрѣ—с. Богородскомъ (Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи), при усадьбѣ владѣльца гр. Шереметева былъ роскошный паркъ около 100 десятинъ, съ рѣдкими породами вѣковыхъ деревьевъ, съ прудами и прочамъ. Владѣлецъ предлагалъ паркъ богатому міру села Богородскаго за дешевую плату—за 20 тысячъ р. Но мужики отказались покупать. Графъ разгнѣвался, продалъ паркъ на срубъ, а землю подъ усадебныя постройки растущаго села. Теперь мужики плачутся, что «въ Богородскомъ совсѣмъ нѣтъ зелени, воздухъ тяжелый отъ кожевеннаго производства, и некуда выйти подышать свѣжимъ воздухомъ»...

Въ виду исчезновенія крестьянскихъ лѣсовъ крестьянамъ дана льгота покупать лѣсъ на срубъ въ казенныхъ лѣсахъ безъ внесенія залога и прочее. Крестьяне пользуются этой льготой, но въ то же время любой лѣсопромышленникъ, номинально носящій званіе «крестьянина», можетъ за ведро водки міру получить отъ него свидѣтельство на льготную покупку лѣса у казны... Это злоупотребленіе особенно практикуется на сѣверѣ Россіи, въ неизмѣримыхъ казенныхъ лѣсахъ, гдѣ сводятся громадныя площади лѣсовъ на основаніи «льготныхъ» крестьянскихъ свидѣтельствъ...

Одинъ русскій крестьянинъ Казанской губерніи разсказывалъ, какъ ихъ сосѣди черемисы, въ противоположность русскимъ, берегутъ свои лѣса и только совсѣмъ снѣлымъ деревомъ пользуются для своихъ нуждъ и на продажу, по «на сводку» его не продаютъ, а сами раздѣлываютъ и вывозятъ подѣлки въ Казань и на сельскіе базары. Спрашиваю разсказчика:

— Почему русскіе не берегутъ такъ своихъ лѣсовъ?..

— Очень ужъ мы жадны и завистливы... Намъ подавай разомъ все, изъ чего можно зашибить деньгу... хотимъ сразу разбогатѣть... Да къ тому же и страсть какъ лѣнивы мы: легче вѣдь продать лѣсъ на сводку, чѣмъ самимъ возжаться съ раздѣлкой его... Намъ все подавай сегодня, а что будетъ завтра, да какъ будутъ жить наши дѣти—намъ и горюшка мало...

Буквально вѣрная обрисовка русскаго мужика, данная русскимъ же крестьяниномъ... Особенно онъ правъ относительно російской лѣни. Можно привести массу образчиковъ ея, но ограничусь немногими.

Въ «Неразберихѣ» я говорилъ о волжскихъ «балчужникахъ», занимающихся перевозкой на лодкахъ, на грузкою на малыхъ пристаняхъ (на большихъ есть особыя артели «грузчиковъ») и т. п.

мелкой работой, приносящей имъ гроши. Это прирожденные лѣн-
тши, сродные итальянскимъ лаццарони и т. п., проводящіе время
больше въ созерцаніи сутолки на пристаняхъ и на набережныхъ
да въ засѣданіяхъ въ чайныхъ, портерныхъ и около монополекъ,
чѣмъ въ дѣйствительной работѣ. Семьи кормятъ не они, а ихъ
энергичныя жены—торговки, булочницы и т. д.

Зимою балчужникамъ приходится совѣмъ класть зубы на полку,
и они бросаются на всякую работу. Но какъ они «работаютъ»?..
Балчужники гор. Василя занимаются зимою пилюкою дровъ въ лѣсу
около дер. Шинилей, въ 10 верстахъ отъ города. Отправляются
они на работу въ понедѣльникъ и начинаютъ пилюку со вторника.
Въ пятницу уже пошабашать и въ субботу отправляются въ городъ,
гдѣ остаются до понедѣльника. Эти визиты въ городъ всею артелью
они объясняютъ необходимостью завестись провизіей, помыться
въ банѣ и т. п. Однако помыться они могутъ и въ Шиниляхъ, а за
провизіей послать 2 человѣкъ, а не идти цѣлою артелью, или же
провизію могли бы доставлять подростки, болтающіеся зря дома...
Въ городъ тянетъ пыльщикова ихъ лѣнь и стремленіе «отдохнуть»
послѣ 4 дней работы, да еще короткихъ зимнихъ дней... За эти 4 дня
они приносятъ домой по 3 рубля чистаго заработка, не считая рас-
ходовъ на провизію, наемъ квартиръ въ Шиниляхъ и т. п. А не
«отдыхай» они въ недѣлю три дня, могли бы заработать вдвое больше.
«Поработавши» такъ 2—3 мѣсяца, балчужники совѣмъ почіютъ
отъ дѣлъ своихъ и терпѣливо ждутъ нескорого воскресенія Волги...

А вотъ чуваша Козьмодемьянскаго Заволяжя зимою работаютъ
въ лѣсахъ по р. Руткѣ и др. 6 дней въ недѣлю, а домой приходятъ
только на воскресенье, чтобы помыться въ банѣ. Ради работы они
смѣло нарушаютъ дѣдовскіе обычаи, установившіе для бань суб-
ботніе дни и считающіе грѣхомъ топку бань въ праздники...

Только російскою лѣнью можно объяснить то обстоятельство,
что во многихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ не зародилось (какъ въ дру-
гихъ такихъ же) никакихъ кустарныхъ производствъ изъ лѣса.
Напримѣръ, въ Вологодской губерніи по р. Кубингѣ (впадаетъ въ
озеро Кубинское), Сухонѣ и др. сплавляется масса лѣса, но еще
больше, говорятъ, его пропадаетъ въ такихъ углахъ губерніи,
гдѣ нѣтъ сплавныхъ рѣкъ и лѣсъ некуда везти. То же происходитъ
въ лѣсныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи (въ Кирилловскомъ,
Устюженскомъ и др.): гдѣ нѣтъ сплавныхъ рѣкъ и рѣчекъ—тамъ
лѣсъ пропадаетъ на мѣстѣ въ неимоверномъ количествѣ. Именно
тутъ могли бы развиваться кустарныя подѣлки изъ дароваго лѣса,
а ихъ нѣтъ и въ поминѣ. И коренное, древне-русское населеніе
этихъ мѣстъ предпочитаетъ жить впроголодь, еле-еле кормясь отъ
истощенной земли и кое-какихъ отхожихъ промысловъ...

Поневолѣ мысль обращается къ инородцамъ—къ ихъ энергіи и ра-
ботоспособности... Живя среди лѣсовъ, черемисы и чуваша Козь-

модемьянскаго и другихъ уѣздовъ Казанской губерніи развили у себя многія кустарныя подѣлки изъ лѣса, напримѣръ, у нихъ есть мастера «драничники», кроющіе крыши «дранью», для вырѣзки которой имѣютъ особые инструменты—«струги». За работу берутъ дешево: по 80 коп. въ день за нарѣзку драни, а за покрытие готовою дранью по 30 коп. за квадратную сажень крыши.

Осенью двое драничниковъ изъ дер. Цыгановой, Козьмодемьянскаго уѣзда, явились за 50 верстъ въ Василь, въ теченіе трехъ дней заработали всего около 5 р.—и ушли предовольные домой... А русскаго развѣ поманишь такой работой?! Онъ посмѣется надъ нею, хотя бы и голодалъ...

Особенно развито среди черемисовъ и чувашъ кустарное производство мебели—плетеныхъ изъ черемховыхъ вѣтокъ (съ дубовыми сидѣньями) стульевъ и креселъ. На р. Сурѣ мастера не снимаютъ кожуры съ вѣтокъ—и получается оригинальная мебель сѣраго, стального цвѣта, которую охотно выписываютъ въ Петербургъ.

По рисунку эта мебель не казиста и работа довольно топорная, а главный недостатокъ—употребленіе простыхъ гвоздей, совсѣмъ не мебельныхъ (безъ шляпокъ), дерущихъ платье. Но это уже вина земствъ и разныхъ вѣдомствъ, якобы пекущихся о кустаряхъ, но не могущихъ оказать имъ грошовое содѣйствіе присылкою рисунковъ мебели, указаніемъ на существованіе мебельныхъ гвоздей и тому подобное.

Зато черемисская и чувашская мебель очень прочна и дешева: штука стоитъ отъ 15 до 25 копеекъ. Въ Рыбинскѣ, куда скупается эта мебель, дюжину продаютъ уже по 6 рублей.

Мѣстами и русскіе заразились примѣромъ инородцевъ—тоже занялись выдѣлкою мебели. Въ с. Марьинѣ на Ветлугѣ (Макарьевскаго уѣзда) русскіе гнутъ изъ плымы хорошіе и дешевые стулья, мало уступающіе «вѣнскимъ» буковымъ. Тутъ заразительно подѣйствовалъ и примѣръ сосѣдняго Семеновскаго уѣзда, давно славящагося кустарными подѣлками изъ дерева. Но такихъ отрядныхъ примѣровъ очень мало...

IV.

Переходя къ духовной жизни мужика, и тутъ натываемся больше на грустныя явленія. Говоря такъ, разумѣю (какъ и въ предыдущей главѣ) рядовую массу мужика, а отнюдь не счастливыя и рѣдкія исключенія развитаго и культурнаго крестьянства.

Всегда вообще сѣрый и скучный тонъ жизни мужика въ настоящій «періодъ успокоенія» сдѣлался еще мрачнѣе, суровѣе. Полная апатія, безпрѣдѣльное равнодушіе къ малѣйшимъ намекамъ на высшіе запросы жизни, бьющее въ глаза духовное оскуднѣніе народа—вотъ преобладающій тонъ современной провинціальной

жизни вообще, и жизни мужика въ особенности. Чѣмъ-то затхлымъ, душнымъ, тошнотворнымъ вѣетъ отъ всѣхъ проявленій его «духовной» жизни. Вотъ ужъ гдѣ слѣдуетъ сказать, что это «не жизнь, а декорация» и—самая жалкая, тоскливая.

Слѣдуетъ оговориться, что такое паденіе духовной жизни народа наблюдается въ послѣднее время не только среди давно уже ослабѣвшаго русскаго мужика, но и между крѣпкими раньше инородцами. Одинъ прекрасный знатокъ жизни черемисовъ, русскій народный учитель, нѣсколько лѣтъ работающій въ черемисскомъ селѣ Козьмодемьянскаго у. Казанской губ., свободно говорящій по-черемисски и потому основательно изучившій не одну обстановку, но и душу черемисовъ, съ грустью говорилъ о нихъ:

— Старики еще сохранили свои прекрасныя качества: честность, порядочность, изумительное трудолюбіе, необыкновенную аккуратность, вѣрность долгу и обязанностямъ. Слову старика — черемиса можно вѣрить безусловно и лучше всякихъ письменныхъ обязательствъ. Но молодежь въ конецъ испорчена: у нея ничего святого нѣтъ... Она способна на всякую гадость, подлость, низость, и все это ради цѣлей наживы и т. п. самыхъ низменныхъ побужденій. Надъ трудолюбіемъ стариковъ молодые черемисы издѣваются и всю тяжесть работъ кладутъ на нихъ и на женщинъ, а сами лодырничаютъ, пьянствуютъ и хулиганничаютъ не хуже русской молодежи...

Что въ провинціи ряды хулигановъ пополняются почти исключительно молодежью русскихъ городовъ, селъ, деревень — это несомнѣнно. «Періодъ успокоенія» нисколько не мѣшаетъ росту хулиганства, даже напротивъ... Случаи хулиганства такъ мозолятъ глаза въ газетахъ, что незачѣмъ распространяться о нихъ. Остановлюсь немного на одномъ довольно типичномъ фактѣ, случившемся на Волгѣ.

Двое молодыхъ балчужниковъ Василя, лѣтъ 15—16-ти, захвативъ самодѣльное ружьишко, сработанное кое-какъ третьимъ паренкомъ, отправились въ лодкѣ «испробовать» свое «ружье», зарядивши его какъ слѣдуетъ крупною дробью. Мимо шелъ вверхъ по Волгѣ пароходъ, ведя на буксирѣ баржу. Мальчишки, какъ нерѣдко водится, захотѣли воспользоваться даровой буксировкой и зачалили свою лодку къ лодкѣ, причаленной у кормы баржи. Рулевые матросы стали гнать ихъ, справедливо опасаясь, что при поворотахъ руля баржи лодка съ ребятами можетъ опрокинуться или налиться водою. Ребята не слушались, матросы стали чѣмъ-то бросать въ нихъ. Балчужникъ постарше схватилъ свое ружье и выпалилъ въ матросовъ: оба они упали, раненные дробью въ лицо, шею и проч. (къ счастью, глаза не пострадали). На баржѣ поднялась тревога, пароходъ остановился. Балчужники поспѣшили отчалить и бросились на своей лодкѣ къ берегу. Младшій, Панька,

бѣжалъ въ лѣсъ, а старшій, Николка, пустился на лодкѣ къ городу, надѣясь удрать отъ преслѣдовавшей его лодки съ каравана. Но въ городѣ матросы съ баржи догнали его, и парень былъ арестованъ, а на другой день арестовали и явившагося товарища его. Скоро ихъ отдали роднымъ на поруки, но потомъ, по приказу губернатора, парни отсидѣли полтора мѣсяца при полиціи, потерявши лучшее время балчужнаго заработка.

Любопытно, что, когда матросы съ баржи привели Николку въ полицію и попросили составить протоколъ, полицейскій надзиратель предложилъ двумъ раненымъ матросамъ—«простить эту дѣтскую шалость»... Хорошъ этотъ охранитель закона, не иостѣснявшійся защищать эту «дѣтскую шалость» въ виду двухъ окровавленныхъ фізіономій пострадавшихъ матросовъ!.. Послѣдніе разумно отвѣтили представителю власти, поощряющему хулиганство:

— За такое разбойное дѣло прощать нельзя... Надо парней поучить... будутъ умнѣе!..

Оттого и прогрессируетъ у насъ такъ хулиганство, что не встрѣчается почти никакого отпора со стороны обывателей, остающихся равнодушными зрителями тамъ, гдѣ слѣдуетъ негодовать и протестовать. Не забуду, съ какимъ нескрываемымъ изумленіемъ отнеслись ко мнѣ два деревенскихъ кулака, когда я остановилъ ихъ «матерщинство», коимъ они любовно пересыпали свою мирную бесѣду въ столовой рубкѣ II класса парохода «Касимовъ» на Окѣ. Одинъ изъ нихъ говоритъ:

— Да вѣдь мы не васъ ругаемъ...

— Еще бы вы стали меня ругать!... Въ общественномъ мѣстѣ нельзя ругаться, да еще такъ отвратительно, мерзко...

— Да мы и не ругаемся промежъ себя... а такъ... привычка такая...

— Скверная привычка!... и мнѣ тошно слушать васъ, а вѣдь тутъ бываютъ и женщины, и дѣти...

— Извѣстно, хуже этихъ словъ нѣтъ... да ужъ такъ мы привыкли.

— Надо оставить, а то вѣдь знаете, что за эту «привычку» васъ можно къ суду притянуть и «въ каталажку» посадить...

— Зачѣмъ же-съ! мы болѣе не будемъ тутъ матершинничать...

— И нигдѣ не слѣдуетъ...

— Оно бы хорошо, да трудненько отстать... и никто насъ не учитъ: ни тебѣ попъ, ни начальство, ни старики... всѣ либо молчатъ, либо и сами ругаются...

Да, «всѣ молчатъ», всѣ придерживаются политики—«моя хата съ краю», а зло растетъ безъ конца, и въ лучшемъ случаѣ обыватели отводятъ душу смѣшкомъ и шуткой... Какъ потѣшались мѣщане (въ большинствѣ тѣ же мужики по натурѣ) Василя, наблюдая дикую сцену, надъ которой впору было бы плакать...

По набережной шлепалась пьяная парочка, выписывавшая вензеля: дѣдъ 60 лѣтъ и внучекъ пяти лѣтъ... Сзади шла бабушка, шутя подгонявшая хворостиной супруга, подпоясавшаго ребенка...

А публика такъ весело хохотала, глядя на бѣднаго ребенка, съ трудомъ переплетавшаго ножонками и судорожно хватавшагося за руку пьянаго дѣда...

Не меньшій смѣхъ вызвала у васильчанъ и другая дикая сцена: на главной улицѣ пожилой мѣщанинъ подгонялъ здоровой дубинной свою молодую жену... Она старалась увернуться отъ его ударовъ, извивалась, бросалась въ стороны, а онъ догонялъ ее и подгонялъ дубинкой, какъ заблудившуюся скотину... Такъ именно онъ и смотрѣлъ на нее, объясняя любовавшейся сценою публикѣ:

— Гоню свою суку домой... Цѣлую недѣлю пропадала... сейчасъ нашелъ ее между телѣгами, на пристаняхъ... А дома и дѣти безъ призора, и скотина безъ корму...

Публика сочувствовала мужу, ибо и сама смотреть на жену, какъ на «собственность» мужа... И никто не вступился за несчастную «скотину», вся «вина» которой состоитъ въ томъ, что молодая женщина не можетъ любить стараго мужчину...

Но что говорить о ненормальныхъ отношеніяхъ мужика къ «женскому вопросу», когда даже самое простое, свойственное и животнымъ чувство чадолюбія начинаетъ изсякать въ народѣ... Ъхалъ я на «купеческомъ» (Купеческаго общества) пароходѣ «Волгарь», который изъ Симбирска завернулъ къ его пригороду Часовня (на лѣвомъ берегу), сдавая грузы на пристань начинающейся отсюда Волго-Бутульминской желѣзной дороги. Тутъ сѣла на пароходъ молодая, чисто одѣтая крестьянка или мѣщанка съ двумя дѣвочками. Младшая, лѣтъ трехъ, держала въ ручонкахъ громадный свѣжій огурецъ и жадно пожирала его, безъ хлѣба и соли, да еще раннимъ утромъ, натощакъ. Я замѣтилъ матери, что въ холерное время опасно давать дѣтямъ такой «завтракъ».. А молодая мать просто отвѣтила:

— И батюшка!.. да намъ ихъ не жалъ: у насъ шестеро дѣтокъ... Коли и приберетъ кого Господь—Божья воля!... А намъ не жалъ...

Вообще «жестокіе нравы» принимаютъ еще болѣе ожесточенный характеръ. Даже отъ самыхъ мягкихъ, добродушныхъ людей приходится выслушивать удивительно жестокія рѣчи. Необыкновенно добрый васильчанинъ-балчужникъ, иногда наивный до степени ребенка, говорилъ какъ-то негодуя и волнуясь:

— Зачѣмъ это тратятся на преступниковъ? Зачѣмъ держать ихъ въ острогахъ, кормить, одѣваютъ?.. Сажать бы ихъ голыхъ въ лѣсу часа на 2—3 и больше, смотря по винѣ: пусть пробуютъ ихъ комары... Ежели выживетъ—его счастье, а нѣтъ—туда ему и дорога...

Мягкій человекъ, ничтоже сумняся, предлагалъ жестокую кару, почти всегда несущую смертельный исходъ... Извѣстны такіе случаи: «добрые мужички» посадили неудобнаго имъ, т. е. честнаго, лѣс-

ника въ лѣсу на 3 часа, раздѣвши его догола и привязавши къ дереву. Комары такъ укуса.ли его, что онъ въ страшныхъ мученіяхъ умеръ на мѣстѣ... Подобный же исходъ былъ съ бабою, которую одинъ лѣсникъ привязалъ на ночь къ дереву, поймавши ее въ заподномъ лѣсу за сборомъ грибовъ и ягодъ...

На одной пристани ниже Рыбинска сѣлъ на «вожскій» пароходъ «Дворянку» карликъ изъ крестьянъ, уже пожилой, довольно забавно мѣшавшій полумонашеское настроеніе, выдававшее бывалаго богомольца, съ неудержимымъ стремленіемъ къ благамъ міра сего. Онъ любилъ поѣсть, не дуракъ былъ выпить, игриво шутилъ съ бабами и болталъ безъ конца. При его крошечныхъ размѣрахъ и сморщенномъ дѣтскомъ личикѣ все его дурашливые жесты и рѣчи производили не забавное, а жалкое впечатлѣніе. Хотѣлось остановить его, отнести къ нему, какъ къ ребенку, оградить отъ насмѣшекъ...

А простонародная публика III и IV классовъ взглянула на жалкаго карлика, какъ на пріятную забаву. Гомерическій хохотъ, безцеремонное гоготанье и улюлюканье, самыя нецензурныя шутки неслись вездѣ, гдѣ появлялся карликъ и начиналъ говорить. Видимо, его корбила наглая безцеремонность публики, и онъ старался быть серьезнымъ, довольно остроумно парируя сынавшіяся со всехъ сторонъ грубыя шутки и самое открытое издѣвательство надъ его убожествомъ.

Понявши, что съ этой стороны не возьмешь умнаго человѣчка, публика уловила его слабую струнку—стала его спавать. Карликъ хлопалъ рюмку за рюмкой, захмелѣлъ и, «потерявъ контенансъ», сталъ говорить и дѣлать глупости, вызывавшія самое неистовое веселье публики... Попытки кое-кого изъ порядочныхъ людей остановить это издѣвательство надъ убогимъ человѣкомъ не имѣли успѣха: толпа всецѣло завладѣла своей жертвой и не отпустила ее до конца, т. е. пока споемный ею карликъ не свалился въ пьяномъ снѣ... Одинъ пассажиръ такъ резюмировалъ это подлое зрѣлище:

— Ничего святого нѣтъ у русскаго человѣка!.. Онъ способенъ рѣшигельно все превратить въ потѣху... Какъ варваръ, онъ не чувствуетъ различія добра отъ зла...

Ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ, разъ на ряду съ прекрасными народными изданіями солидныхъ фирмъ русскій народъ продолжаетъ питаться всякою старою трухоею и дребеденью московскихъ издателей «съ Никольской улицы». Въ XX вѣкѣ, именно въ 1910 году, въ большомъ приволжскомъ городѣ Кинешмѣ можно было купить у маленькой продавщицы на пристаняхъ неувядаемую «Сказку о храбромъ и сильномъ богатырѣ Бовѣ-Королевичѣ», изданную въ 1910 же году въ Москвѣ, въ собственной типографіи «Книгоиздательства торговаго дома Евдокія Коноваловъ и К?»...

Если сей г. Евдокій Коноваловъ принадлежитъ къ отпрыскамъ книпешемской фамиліи милліонеровъ Коноваловыхъ, то горе рус-

скому народу!.. Милліоны, собранные его руками для утѣхи г.г. Коповаловыхъ, уйдутъ частію на отраву народа «произведеніями» въ родѣ «Бовы-Королевича» и т. п. Кинешемская книжница предлагала и другія изданія этой новой фирмы: это были раздирательныя мелодрамы, уголовная «литература», сборники стиховъ «подворотной» поэзін, кисло-сладкіе рассказы о вредѣ пьянства и т. п. перлы. Такъ какъ большинство изданій въ форматѣ «листовокъ», очень дешевыхъ, то эта дребедень широко расходится въ народѣ. Недаромъ фирма имѣетъ въ Москвѣ три лавки, да по одной въ Петербургѣ, Одессѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Какой позоръ для Россіи XX вѣка!

Въ Нижнемъ, на окской пристани Качкова я попробовалъ постыдить газетчика, продававшаго деревенскому парню какія-то дрянныя «Похожденія московскаго душегуба», а газетчикъ отвѣтилъ:

— Это вѣдь не для васъ мы продаемъ... А для васъ вотъ имѣются Левъ Толстой и т. п.

Пришлось замолчать, ибо что же тутъ скажешь?!. Вѣчная рознь между «ими» и «нами» невольно сказывается во всемъ и повсюду...

Для насъ, напримѣръ, будетъ непонятно такое явленіе, совершенно нормальное въ «нихъ» средѣ: въ одномъ крупномъ фабричномъ центрѣ подъ Москвою чтенія и лекціи для народа раньше привлекали такія массы слушателей, что не хватало мѣстъ и многимъ отказывали, а теперь поражаютъ пустотою аудиторій. Казалось бы, что съ развитіемъ народа, сдѣлавшимъ за послѣдніе годы большой шагъ впередъ, долженъ бы увеличиться интересъ къ серьезнымъ чтеніямъ, а выходитъ наоборотъ... Самый любимый фабричными московскій лекторъ по экономическимъ вопросамъ, собиравшій прежде сотни слушателей, осенью 1910 г. едва привлекъ 60 человѣкъ... Зато на «футболѣ» въ тѣ же часы было нѣсколько тысячъ...

А на устроенныхъ мануфактурой танцевальныхъ вечерахъ нѣтъ отбою отъ охотниковъ поплясать и пришлось учредить очередь. На танцы собирается до 1000 рабочихъ, дамъ и кавалеровъ, и собиралось бы вдвое-втрое больше, если бы позволяло помѣщеніе. Нѣсколько сотъ паръ кружатся въ самыхъ моднѣйшихъ танцахъ, даже въ тарантеллѣ и т. д. Всѣ чисто и прилично одѣты, а кавалеры даже франтовато.

Да, теперешніе рабочіе не чета прежнимъ, и не только въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, но вездѣ и даже въ деревнѣ. Какъ-то на волжскомъ пароходѣ пришлось слышать горькія іереміады какихъ-то промышленныхъ людей, еще молодыхъ, сѣвшихъ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ. Одинъ плакался:

— То ли дѣло бывало прежде: за водку все можно было сдѣлать и кушиться въ деревнѣ... А нынѣ шалишь!... всѣ и за все требуютъ денегъ, а водку-де, говорятъ, мы и сами знаемъ, гдѣ добыть...

А то еще повелось у нихъ.—замѣтилъ другой:—наймется къ тебѣ, а ежели прослышитъ гдѣ про лучшую плату, ударитъ туда и поминай, какъ звали... и ничего съ нимъ не подѣлаешь!...

— Нѣтъ,—отозвался первый:—у насъ нашли средство и не больно хитрое: коли уйдетъ съ работы лѣтомъ, получай въ мѣсяць 10 р., а останется на все лѣто—даютъ по 12 р. И отлично дѣйствуетъ: не бѣгаютъ...

На томъ же среднемъ плесѣ Волги пришлось какъ-то выслушать вопль другихъ «обездоленныхъ» людей—бывшихъ кабатчиковъ, не могущихъ забыть свой золотой вѣкъ и примириться съ монополюшкой... Пожилой мужикъ, съ благообразнымъ, чуть не икононнымъ ликомъ, побесѣдовавши о разныхъ предметахъ, вдругъ обратился ко мнѣ съ своимъ наболѣвшимъ вопросомъ:

— Надо полагать, что чиновники не долго повожжаются съ водкой, и дѣло повернется на прежній порядокъ?

— Ну, этого не ждите... больно ужъ выгодно это дѣло: чиновники не выпускаютъ его изъ своихъ рукъ...

— Вы полагаете?—уныло протянулъ бывший кабатчикъ, плачущій о потерѣ «легкихъ хлѣбовъ».

Кто не мечтаетъ о даровщинкѣ... На окскомъ пароходѣ «Касимовъ» возвращался изъ Нижняго пожилой мужикъ, якобы погорѣлецъ, который походя и на всѣ лады ругалъ извѣстнаго нижегородскаго милліонера Бугрова, давшаго мнимоу погорѣльцу всего одну трешницу, вмѣсто ожидавшейся имъ «сотняги»... А мужикъ и «на дорогу исхарчился, и старосту угощалъ за погорѣлое свидѣтельство», и другіе расходы имѣлъ, далеко превосходящіе 3 р. И мужикъ скверно ругалъ «благодѣтеля», забывая, что мужики, промысляющіе мнимымъ «погорѣльствомъ» (есть цѣлая деревня, живущія этимъ выгоднымъ отхожимъ промысломъ...), сами виноваты, что щедрый прежде Бугровъ сталъ осмотрительнѣе раздавать свои пособія...

Одинъ почтенный крестьянинъ Вязниковскаго уѣзда (Владимирской губерніи), не разъ и подолгу жившій на Уралѣ, рассказывалъ между прочимъ, что, когда администрація Тагильскихъ заводовъ Демидовыхъ сократила рабочимъ плату, «рабочіе стали плакаться, что они привыкли-де къ пшеничной мукѣ, а отъ ржаной муки подводить животы у нихъ... А и теперь живутъ тагильцы такъ хорошо, какъ никогда не жили наши володимирскіе фабричныя»...

Вообще, мужикъ сталъ чувствительнѣе къ благамъ міра сего... Медицинскій персоналъ деревни наблюдалъ въ холеру 1910 г. небывалое раньше явленіе въ народѣ—боязнь холеры... Мужики обращались къ докторамъ со всякими пустяками по поводу желудочныхъ заболѣваній, охотно закупаали предохранительныя средства, прибѣгали къ совѣтамъ и т. п.

Требуя медицинской помощи, мужикъ, конечно, продолжалъ прибѣгать и къ «своимъ средствамъ», существующимъ споконъ вѣковъ.

Такъ, на Ветлугѣ перваго холернаго (какъ и при другихъ эпидеміяхъ) покойника не выносятъ въ двери, какъ обыкновенно, а вытаскиваютъ черезъ окно. Несутъ его на кладбище не ногами впередъ, какъ всегда, а головою. Впереди гроба бѣгутъ сосѣди и топорами чертятъ кресты. Сзади шествуетъ баба съ метлою и заметаешь по дорогѣ всѣ слѣды. Такъ идутъ по всей деревнѣ, а на обратномъ пути съ кладбища не оглядываются назадъ. Всѣ эти мѣры принимаютъ для того, чтобы холера ограничилась одной жертвой...

Для предупрежденія холерной эпидеміи многія ветлужскія деревни прибѣгали къ обычному «опахиванію» селеній...

Подобными суевѣріями полна жизнь русскаго мужика и въ XX вѣкѣ. Въ Василѣ «вѣрнымъ средствомъ противъ бѣшенства» считается очень немудрое: «надо съѣсть 40 милостынь», т. е. укушенный бѣшенымъ животнымъ долженъ обойти 40 домовъ, вездѣ попросить милостыни въ видѣ хлѣба, соли, воды—и все это съѣсть и выпить на мѣстѣ. Для богатыхъ людей средство упрощено: можно «нанять за себя старуху» и послать ее за 40 милостынями, которыя она же и съѣсть—и помогать», какъ увѣряютъ васильчане... Они же рекомендуютъ для исцѣленія животнаго, которому угрожаетъ бѣшенство, тоже нехитрый приѣмъ: отрѣзать у искусаннаго кончикъ собственнаго хвоста и заставить съѣсть его—тоже «здорово помогать»...

Мужики с. Фокина, Васильскаго уѣзда, прибѣгаютъ въ случаяхъ эпизоотіи къ страшно жестокому средству: у воротъ двора «зарываютъ въ землю живого жеребенка»!.. Къ удивленію, мѣстные власти еще ни разу не привлекли къ суду жестокихъ фокинцевъ за такое дикое варварство...

На ряду съ подобными варварскими и нелѣпыми «средствіями» попрежнему царитъ въ народѣ наивная, но глубокая вѣра въ разныя «небесныя знаменія» и т. д., и это не только въ деревенскихъ захолустьяхъ, но и въ городахъ, на большихъ дорогахъ... Въ томъ же приволжскомъ городѣ Василѣ какъ-то въ концѣ декабря 1909 г., когда газеты вдругъ заболтали о возможности новой войны съ Японіей, васильчане тревожно рассказывали:

— Вчера былъ крестъ на небѣ... Ну, быть войнѣ!.. обижаетъ насъ японецъ...

Никакого креста и не было, а на закатѣ виднѣлся, перѣдкій въ морозные дни, огненный столбъ—лучъ заходящаго солнца... Нѣкоторые васильчане видѣли надъ сосѣднимъ с. Воротынцемъ уже не простой крестъ, но «столь, а на немъ крестъ»!..

На появившуюся въ началѣ января 1910 г. «планиду» они глядѣли съ большой тревогой, ожидая отъ кометы всякихъ пакостей. Газетная тревога на эту тему производила на васильчанъ самое сумбурное впечатлѣніе...

Всякая «чертовщина» по-старому жива и въ XX вѣкѣ и пугаетъ не одного мужика, но и болѣе развитыхъ людей... Въ Василѣ «змѣй летаетъ» почему-то только къ «солдаткамъ», какъ къ беззащитнымъ безъ мужей женщинамъ, и въ результатѣ получается... неожиданное приращеніе семейства...

Правильному волжскому пароходству минуло уже болѣе 50 лѣтъ, а на Волгѣ встрѣчаются еще лица, не ѣздяція на пароходахъ, такъ какъ считаютъ ихъ «чортовыми машинами»... Какъ-то на пристани въ Козьмодемьянскѣ пришлось услышать любопытную версію о происхожденіи пароходовъ. Пожилой старовѣръ рассказывалъ старику-черемису:

— Одинъ старикъ говорилъ мнѣ, что читалъ въ древней книгѣ: когда Христосъ ходилъ по водамъ, яко по суху, сатана объявилъ, что и онъ будетъ также ходить, но «особымъ манеромъ»... Знать, на корабли и пароходы намекалъ...

— Извѣстно,—подтвердилъ черемисъ:—чортовы машины!.. А какъ бы эту древнюю книгу почитать?

— И я хотѣлъ ее достать, да пропала она...

— Да, если бы все дѣлать, какъ пишется въ божественныхъ книгахъ... Вотъ и на пароходахъ не годится ѣздить...

Этотъ разговоръ любопытенъ еще въ томъ отношеніи, что говорить о старообрядческихъ тенденціяхъ среди инородцевъ, хотя официально неизвѣстны инородцы-старовѣры. Впрочемъ, вѣдь почти всѣ инородцы официально считаются «православными», несмотря на ихъ явную поклонность къ своему старому язычеству, самыя реальныя переживанія котораго встрѣчаются у нихъ и доселѣ...

Отмѣчаю еще одинъ старообрядческій курьезъ, кажется, неизвѣстный въ литературѣ. Православный спрашиваетъ старовѣра:

— Почему у васъ чай называется «отчаянной травой»?

— А видишь ли: чаю сколько ни дуешь, а ничего тебѣ—каяться не будешь... ни тебѣ самому, ни ближнимъ твоимъ и никому вреда отъ чая не будетъ,—не въ чѣмъ и каяться-то! Какая жъ польза отъ него «для души»?!.. А вотъ водки выпьешь, наговоришь и надѣлаешь глупостей,—ну, и покаешься... Разница, братъ, большая! Для души водка полезнѣе чая...

Н. Н. Оглоблинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕ ЖИЗНЬ, А ДЕКОРАЦІЯ.¹⁾

(Изъ провинціальныхъ настроеній).

V.

СЛИ въ народѣ жива попрежнему «вѣра въ чорта», то какова же его вѣра въ Бога?—Общія наблюденія рѣшительно говорятъ о паденіи послѣдней. Религіозное настроеніе еще сильно между «отцами», но «дѣти» отходятъ отъ него все дальше и дальше... Разумѣется, уклоненія отъ этого общаго правила встрѣчаются и тамъ, и здѣсь, а потому нельзя сказать, какая сторона преобладаетъ въ количественномъ отношеніи. По нѣкоторымъ даннымъ можно, однако, заключить, что перевѣса нѣтъ ни на одной сторонѣ, о чемъ говорить, напримѣръ, такой фактъ.

На одной подмосковной мануфактурѣ строится православная церковь на добровольные сборы съ рабочихъ и по ихъ инициативѣ. За нѣсколько лѣтъ собрано ими 12 тысячъ и сборъ, путемъ ежемѣсячныхъ отчисленій изъ жалованья, въ добровольныхъ размѣрахъ, будетъ продолжаться до конца постройки. На мануфактурѣ 12 тысячъ рабочихъ, но въ сборахъ участвуетъ только половина, а остальные—«антихристовы дѣти» (какъ пазвалъ ихъ старикъ, служащій на мануфактурѣ, членъ строительнаго комитета)—отказались отъ пожертвованій на новый храмъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХІІІ, стр. 141.

Вездѣ, повидимому, «антихристовыхъ дѣтей» нисколько не меньше, чѣмъ подлинныхъ христіанъ. Столичная публицистика, заговорившая въ послѣдніе годы о небываломъ подъемѣ религіозныхъ настроеній среди общества и народа, основывается на при- мѣрѣ столицъ и другихъ крупныхъ городовъ.

Въ провинціи же ничего подобнаго не наблюдается: никакого нарочитаго «богоискательства», «богостроительства» и «боготворчества» здѣсь не видно ни среди интеллигенціи, ни въ народѣ. Мѣстами тутъ все осталось попрежнему, а мѣстами и ухудшилось значительно, въ смыслѣ паденія религіозныхъ настроеній.

Если среди мужика осталась прежняя вѣра, то это все та же наивная вѣра въ силу обряда и всякой церковной внѣшности. У чувашъ Козьмодемьянскаго уѣзда большимъ пѣтетомъ пользовались два «явленныхъ Николы» (иконы)—«старый» и «молодой», но о первомъ чуваша говорятъ:

— Стара стала—не работать!... айда къ молодому Николѣ: онъ здорово шагать—больно ладно помогать!..

Икона Смоленской Божіей Матери изъ Козьмодемьянскаго собора цѣлый мѣсяцъ носится по своему и сосѣднимъ уѣздамъ, и вездѣ принимается усердно, несмотря на очень странную обстановку этого шествія. Икону сопровождаетъ не духовенство, а какой-то мужиченко, чуть ли не берущій икону у собора... въ аренду... Онъ дѣлаетъ большіе сборы и безконтрольно ими распоряжается. Въ пользу собора идутъ, кажется, только тѣ деньги, которыя попадаютъ въ кружку, устроенную въ самой иконѣ (внизу рамы). Идетъ икона, колышется отъ движеній несущихъ и позвякиваетъ деньгами... И никого изъ «вѣрующихъ» не коробитъ такое кощунство, какъ никого изъ властей не беспокоитъ это безконтрольное обирание мужиковъ во имя религіознаго чувства...

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ селѣ Сергачскаго уѣзда (Нижегородской губерніи) попъ объявилъ, что «въ колодезѣ явилась икона» святого Николая (и еще двухъ святыхъ), которую-де «могутъ видѣть только «праведники»: они «видѣли икону» не только въ колодезѣ, но и въ сосудахъ съ водою, взятою оттуда. Смиранные же «грѣшники» не удостоивались такой благодати... Два года блаженствовалъ остроумный попъ, принимая отъ богомольцевъ деньги, холсты и прочее за молебны и «святую воду» изъ колодезя. Но сосѣднимъ попомъ стало невтерпѣжь—донесли епископу, по мановенію котораго «явленная икона» исчезла, а находчивый попъ подвергнуть епитеміи. Съ горя онъ запьянствовалъ и покончилъ самоубійствомъ...

Случись сейчасъ подобная исторія—она имѣла бы такой же успѣхъ. Въ значительной массѣ народъ попрежнему жаждетъ чуда, вѣрить въ него и жадно хватается за малѣйшіе намеки на возможность чуда... Попрежнему же онъ тянется въ монастыри, хранящіе

народныя святыни, и ради этихъ святынь несутъ туда свои гроши. Отлично народъ видитъ безобразную въ большинствѣ жизнь монашествующей братіи, негодуетъ на то, возмущается всякими непорядками монастырской жизни, но строго различаетъ чтимую имъ свою стародавнюю святыню отъ недостойныхъ охранителей ея. Послѣдніе все болѣе и болѣе отталкиваютъ отъ себя народъ, но святыня неудержимо влечетъ къ себѣ вѣрующихъ, какъ было всегда.

Въ іюнѣ 1910 г. извѣстный крестный ходъ съ иконою Смоленской Божіей Матери, приносимою въ Казань изъ Седмозерной пустыни, привлекъ громадную, давно небывалую массу богомольцевъ. Одно пароходство Савина пустило въ одинъ день четыре парохода, биткомъ набитыхъ богомольцами изъ окрестностей Казани, но и остальные пароходства не зѣвали и всѣ подвозили богомольцевъ въ невѣроятномъ количествѣ. То же многолюдство наблюдалось на іюньскомъ крестномъ ходѣ въ Нижнемѣ, съ Оранскою иконою Божіей Матери (изъ Оранскаго монастыря) и т. д.

И гг. «эсдеки» государственной думы, вопившіе (въ февралѣ 1910 г.) противъ «черной саранчи» въ 66 тысячъ человѣкъ, сидящей на шеѣ русскаго народа, обнаружили и тутъ полное незнаніе того народа, интересы котораго они «желаютъ представлять»... Несомнѣнно, народъ имѣетъ крайне невысокое мнѣніе о большинствѣ «черной саранчи», но къ лучшимъ представителямъ пдейнаго монашества относится съ большимъ піететомъ, да и остальную негодную массу «черной саранчи» щадить, именно какъ охранителей народной святыни. Ради послѣдней онъ несутъ туда свои гроши и несутъ добровольно, никѣмъ не побуждаемый.

А попробуйте уничтожить монастыри!... можетъ быть, «антихристовы дѣти» будутъ рукоплескать этой мѣрѣ, но масса народа будетъ возмущена и не проститъ поруганія своей святыни. И вмѣсто закрытыхъ монастырей народъ станетъ заводить новые, скрывая ихъ въ недоступныхъ мѣстныхъ дебряхъ, какъ зародились когда-то старообрядческіе скиты и монастыри.

Надо и то помнить, что за монастырями доселѣ удержалось не одно религіозное, но и экономическое значеніе: они, особенно женскіе, продолжаютъ служить единственнымъ пріютомъ для всѣхъ «лишнихъ людей» — бездомныхъ, одинокихъ, не нашедшихъ счастья въ міру, потерпѣвшихъ всякаго рода крушенія въ житейскомъ морѣ. А главную массу этихъ «лишнихъ» даетъ именно народъ, который не скоро еще додумается до иной формы призора своихъ безпріютныхъ людей. И тѣмъ съ большимъ уваженіемъ народъ относится къ тѣмъ монастырямъ, которые представляютъ чисто трудовыя общины, гдѣ нѣтъ мѣста тунеядству и другимъ отрицательнымъ сторонамъ современнаго монашества.

Глупо заблуждался тотъ фабричный рабочій (одной подмосковной мануфактуры), который недавно (послѣ революціи въ Порту-

галін) крикнулъ на улицѣ священнику: «недолго вамъ бродить тутъ... скоро и вамъ будетъ португальскій конецъ!» Если онъ и будетъ когда въ Россіи, то еще весьма не скоро.

Такой «конецъ» еще болѣе отдалятся, если наше духовенство, а особенно монашество, подтянется, поздоровѣетъ и вернется къ своимъ старымъ идеаламъ служенія народу, а не своей мамонѣ... При теперешнихъ же непорядкахъ и всѣхъ ненормальныхъ условіяхъ монастырской жизни, какъ и жизни бѣлаго духовенства, вполнѣ естественно, что сами представители церкви являются чуть ли не главною причиною размноженія въ послѣднее время «антихристовыхъ дѣтей». Число послѣднихъ будетъ расти, если духовенство не опомнится и не выйдетъ на настоящую дорогу «пастырскаго» водительства народомъ, а монастыри не перестанутъ заботиться единственно о накопленіи своихъ богатствъ.

По поводу послѣднихъ пришлось познакомиться съ своеобразнымъ взглядомъ «свободомыслящихъ людей изъ народа. Одинъ изъ нихъ говорилъ:

— По-моему, народъ хорошо дѣлаетъ, что несетъ свои сбереженія въ монастыри: тутъ они будутъ *сохраняе*... А придетъ пора и будетъ нужда, народъ *отберетъ* у монастырей свое достояніе и распорядится имъ по-своему!..

— Такъ-то оно такъ,—замѣтилъ собесѣдникъ:—но имѣйте въ виду, что раньше народа можетъ воспользоваться этимъ народнымъ достояніемъ и правительство... И такіе примѣры бывали: еще Екатерина II отобрала монастырскія имѣнія... Въ Кіево-Печерской лаврѣ, говорятъ, «хранится» записка Николая I о взятіи имъ у лавры 2 милліоновъ на нужды Крымской войны...

Да, монастыри должны помнить о возможности такихъ «добровольныхъ даяній» на государственныя и народныя нужды и вообще не натягивать струнъ безъ конца... Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ недавно основался женскій Черемисскій монастырь, на средства преимущественно сосѣднихъ черемисовъ, которые раньше очень усердствовали къ своему монастырю, а теперь охладѣли, благодаря чрезчуръ явнымъ тенденціямъ «сестеръ» къ мамонѣ... У ближайшаго черемискаго общества есть лѣсъ, часть котораго ежегодно дѣлится по дворамъ. Монастырь «установилъ», чтобы при этой дѣлжкѣ ему шелъ «третій возъ» строевого лѣса, дровъ и валежнику. Этихъ «третьихъ возовъ» набиралось чрезчуръ много... Нѣсколько лѣтъ «сестры» получали эту добровольную дань, а потомъ черемисы перестали давать лѣсъ, несмотря на всѣ нахальныя требованія уже разбогатѣвшаго монастыря. Такъ волею-неволею и отворачиваются черемисы отъ своего же созданія...

Или возьмите нреловутыя «церковно-приходскія школы», отъ которыхъ народъ рѣшительно и вездѣ отворачивается, предпочитая имъ земскія, министерскія и всякія другія. Припоминаю курьез-

ный фактъ: на одной фабрикѣ подлѣ церкви стоитъ хорошій двухъэтажный каменный домъ, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщается церковно-приходская школа, а въ нижнемъ живутъ церковные сторожа. И вотъ послѣдніе не пускаютъ своихъ дѣтей въ свою же церковную школу, находящуюся тутъ же, рядомъ, а посылаютъ ихъ за версту — въ фабричную школу... Даже церковныхъ сторожей не удовлетворяетъ церковная школа!..

И не мудрено, если, наир., на Сѣверной Двинѣ пришлось встрѣтить церковныхъ учительницъ, получающихъ по 200 р. въ годъ!.. А вѣдь на такое жалованье врядъ ли можно нанять «среднюю кухарку» въ Архангельскѣ для епархіальнаго наблюдателя школъ...

Не будемъ касаться давно наболѣвшего вопроса о грѣхахъ и грѣшкахъ нашего бѣлаго духовенства, споконъ вѣка наиболѣе близкаго къ народу, который все болѣе и болѣе отворачивается отъ своихъ «пастырей»... Гораздо интереснѣе прослѣдить взгляды народа на высшихъ руководителей бѣлаго духовенства — нашихъ архіереевъ. На эту тему могу привести поразительную по своему безобразію сцену, очевидцемъ которой былъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Эту сцену можно бы озаглавить такъ: «комическій выходъ» православнаго архіепископа... Не привожу имени этого архіерея, который своимъ появленіемъ среди публики произвелъ на нее не благоговѣйное, а чисто смѣхотворное впечатлѣніе: архіерей еще живъ и съ Волги переведенъ на югъ.

Въ маленькомъ приволжскомъ городкѣ, очень рѣдко посѣщаемомъ архіереемъ, ждали проѣзда архіепископа сосѣдней епархіи. Онъ долженъ былъ высадиться съ парохода и на лошадахъ проѣхать въ два монастыря своей епархіи, лежащіе вблизи городка. Былъ какой-то праздникъ въ маѣ, и почти все населеніе городка собралось на набережной и на улицахъ, гдѣ долженъ былъ проѣхать рѣдкій гость, на котораго всѣмъ было любопытно взглянуть.

На меркурьевской, какъ лучшей, пристани собралось начальство и мѣстное, и сосѣдняго уѣзда, куда направлялся архіерей. Съѣхалось и духовенство его епархіи, бѣлое и черное — игумень мужского и настоятельница женскаго монастыря. Игумена архіерей возводилъ въ санъ архимандрита, а настоятельницу въ санъ игуменьи. Послѣдняя была толстая, сырая женщина, но еще молодая, румяная. Ее сопровождала мать-казначей, тоже не старая женщина.

Показался «волжскій» пароходъ, на которомъ ѣхалъ архіепископъ, и сталъ дѣлать оборотъ къ своей пристани. Собравшееся на меркурьевской пристани начальство и духовенство на рыскахъ бросились къ «волжской» пристани. Публика весело хохотала, любясь, какъ бѣжали попы и монахи, поднявъ рясы... Пьяный мѣщанинъ ползалъ на четверенькахъ съ початымъ мерзавчикомъ въ рукахъ, блаженно ухмылялся и громко восклицалъ по адресу бѣгущаго мимо начальства и духовенства:

— А намъ что?.. а мы выпьемъ!.. за здоровье архирея!.. ура!.. намъ наплевать!..

Пьяный глоталъ изъ мерзавчика и снова кричалъ, повторяя все то же. Его не успѣли убрать—не до того было, и онъ дождался архіерейскаго поѣзда во всемъ своемъ безобразіи...

Позже всѣхъ прибѣжали толстыя монахини, запыхавшіяся, раскраснѣвшіяся, когда архіепископъ уже шелъ съ парохода по сходнямъ. При небольшомъ ростѣ онъ поражалъ необычайной толщиной и объемистымъ брюхомъ. Въ безцеремонной публикѣ загладѣли:

— Ишь ты, какой брюхатый!.. чистая баба на сносяхъ... гляди-ко! гляди-ко!.. вотъ такъ архирей!.. такого еще не видали...

День былъ прохладный, солнце скрылось въ облакахъ, а у архіепископа толстое бабье лицо было красное, какъ ракъ, и лоснилось, словно смазанное масломъ, маленькіе глазки замаслились, съ губъ не сходила сладкая улыбка. Видимо, что архіерей основательно пообѣдалъ на пароходѣ и былъ «веселъ безконечно»... Небрежно и неувѣренно благословляя подходившихъ властей, онъ «изволили шутить» и самъ же во всю глотку хохоталъ надъ своими шутками, то банальными, то грубыми и неприличными... Подошедшей настоятельница архіепископъ ляпнулъ:

— Что запыхалась?.. ишь, какъ растолстѣла!.. толще меня стала... ха-ха-ха!..

Продолжая хохотать и безцеремонно оглядывать смущенную «матушку», архипастыръ лукаво спросилъ:

— А кто же со мною ѣдетъ?.. ха-ха-ха!..

Очевидно, онъ не прочь былъ прокатиться вдвоемъ съ «матушкой», но опомнился и обратился къ игумену:

— Ну, хозяинъ, садись со мною!.. ха-ха-ха!..

Съ трудомъ впихнули хохочущаго брюхака въ игуменскій тарантасъ, запряженный отличной тройкой. Сухая, постаная, вполне приличная фигурка и фізіономія о. игумена еще ярче отгѣняла все неприличіе и неблагообразіе архіерейской персоны...

Архіерейскій поѣздъ тронулся, состоя изъ пятнадцати экипажей. Шествіе открывалъ конный городской, за нимъ скакалъ въ телѣжкѣ становой приставъ, далѣе мчалась тройка съ архіепископомъ и игуменомъ. А слѣдомъ за ними—самый «интересный номеръ»—двѣ дамы: мать-настоятельница и мать-казначей... Потомъ уже слѣдовали экипажи съ духовными и свѣтскими властями.

Поѣздъ напутствовалъ пьяными восклицаніями и соотвѣтствующими жестами съ мерзавчикомъ вышеупомянутый мѣщанинъ, продолжавшій ползать на четверенькахъ по набережной. Архіерей весело гоготалъ, глядя на «пасомаго» чужой епархіи...

Дальше пошло еще веселѣе. Не успѣлъ поѣздъ свернуть съ набережной въ гору, какъ изъ боковой улицы вылетѣли двѣ телѣги, биткомъ набитыя поѣзжающими мѣщанской свадьбы, и помчались впе-

реди архіерейскаго поѣзда съ пѣснями, хохотомъ, гиканьемъ распяной компаніи. Стоявшая на улицахъ толпа проводила свадьбу улюлюканьемъ и другими знаками сочувствія. Подъ эту музыку архіерейскій поѣздъ сталъ вытягиваться въ гору, и какъ только народъ увидалъ, что слѣдомъ за архіереемъ ѣдутъ «двѣ бабы», въ толпѣ пошло веселое шушуканье насчетъ «архіерейской свадьбы»...

Румяный архіепископъ весело выглядывалъ изъ тарантаса, благословляя и смѣющуюся толпу, ѣдко издѣвавшуюся по поводу «двухъ свадебъ», и попавшее навстрѣчу городское стадо, и домишки, въ раскрытыхъ окнахъ которыхъ виднѣлись головы любопытствующихъ горожанъ, и расprostертую у самой дороги, противъ городской думы, какую-то пьяную фигуру, лежавшую ничкомъ, со спущенными штанами...

Такъ прослѣдоваль, къ удовольствію горожанъ, веселый архіепископъ... Переночевавши въ женскомъ (sic) монастырѣ, онъ переѣхалъ въ мужской, и черезъ 5 дней снова проѣзжалъ тотъ же городокъ, но уже не въ такомъ парадѣ и безъ «матушекъ». Онѣ догадались раньше пробраться на пристань. Провожая архіерея, новая игуменья бодро одна взошла на пароходъ, но тамъ такъ расплакалась при разставаньѣ, что съ парохода ее съ трудомъ сволокли подъ руки двѣ дюжія монахини... Народъ чуть не въ глаза смѣялся надъ нею и надъ «брюхатымъ» архіепископомъ...

Врядъ ли такіа комическія выступленія православныхъ іерарховъ могутъ содѣйствовать подъему авторитета церкви... Впрочемъ, онъ такъ низко палъ, что веселымъ архіереямъ простиительно на все махнуть рукою и не слишкомъ хлопотать о надлежащемъ впечатлѣніи на народъ... И народъ отворачивается отъ нихъ и отъ самой церкви, загроможденной всякими «декораціями», то бесполезными, то вредными.

VI.

Коснемся ли другихъ сферъ провинціальной жизни—вездѣ натолкнемся на «декораціи», за которыми совсѣмъ не видно настоящей жизни. Сонная, вялая, апатичная интеллигенція, оживляющаяся только за картами, водкой и т. п. «благами міра сего», преслѣдующая одиѣ личныя цѣли карьеры и наживы, неспособная къ серьезному общественному дѣлу, праздная, лѣнивая, разобщенная и не стремящаяся къ объединенію въ общихъ цѣляхъ—какой это «примѣръ» для народа?!.. Самый развращающій примѣръ, какъ точно такъ же его развращаетъ жизнь богатыхъ людей, въ большинствѣ теперь тоже интеллигентныхъ.

Скромный приволжскій городокъ Василь до послѣдняго лѣта не подвергался развращающему вліянію богатства. Наѣзжающіе сюда дачники—люди въ большинствѣ небогатые, а мѣстные богачи—

надо отдать имъ честь,—живутъ скромно, тихо, безъ всякихъ излишествъ и вычурностей. Но лѣтомъ 1910 г. поселились въ Василь на дачѣ настоящіе богачи—и городокъ ахнулъ отъ удивленія и негодованія, «дивовался» безъ конца...

По совѣту врачей, въ Василь прибыла, чтобы попользоваться его благотворнымъ климатомъ, астраханская милліонерша-армянка, параличная старуха, не встающая съ своей роскошной кровати, устроенной со всѣми удобствами—съ ящиками со льдомъ, для освѣженія, и проч. Старуху сопровождали—дочь съ мужемъ, предводителемъ дворянства, ихъ дочери и свита до 30 человѣкъ—докторъ, фельдшеръ, сидѣлки, горничныя и т. д. Чтобы перевезти эту ораву, сняли на меркурьевскомъ пароходѣ весь I классъ, за 1800 р. Грандіозная кровать, съ лежащей на ней старухой, не проходила въ паромныя двери и пришлось прорубить стѣнку да устроить особые приспособленія для спуска кровати съ парохода на пристань. Словомъ, для богатства не оказалось никакихъ препятствій.

Для перенесенія старухи съ пристани на гору, гдѣ сняли дачу, наняли 12 здоровенныхъ балчужниковъ, и они торжественно понесли громадную кровать черезъ весь городъ, вызывая всеобщее любопытство. Толпа ребятъ и взрослыхъ сопровождала необычайное зрѣлище, многими принимавшееся за похороны. Наивные черемисы торопились ломать шапки и креститься... Старуха утопала въ своихъ подушкахъ, одѣялахъ, возвышаясь надъ толпою, словно подлище какое... Тяжесть кровати заставляла балчужниковъ дѣлать частыя остановки—«для литіи», какъ иные шутили. Но въ общемъ настроеніе васильчанъ было далеко не шутиливое: долго они толковали на тему о силѣ капитала, завидовали его обладателямъ и т. д. безъ конца...

Не менѣе зловредно вліяніе многочисленной у насъ полуинтеллигенціи—недорослей и недоучекъ, нахватавшихся разныхъ «модныхъ» верховъ, или пережевывающихъ старое. Отъ этихъ декоративныхъ «интеллигентовъ» всего болѣе страдаетъ провинція: они встрѣчаются на всевозможныхъ поприщахъ—въ свободныхъ профессіяхъ (начиная съ «революціонной», гдѣ подобный типъ особенно зловреденъ...), въ земскихъ сферахъ, въ промышленной средѣ, въ чиновничьемъ мірѣ и пр. и пр. Потому, очевидно, провинція и не живетъ, а прозябаетъ подъ сѣнью всевозможныхъ декораций, что тонъ въ провинціи задаетъ теперь именно эта мишурная полуинтеллигенція.

«Правые» ли, «лѣвые» ли—всѣ полуинтеллигенты одинаково зловредны. Вотъ, напримѣръ, «правый»—богатый землевладѣлец нѣсколькихъ губерній, отставной штыкъ-юнкеръ, или что-то въ этомъ родѣ. На Волгѣ у него есть значительные лѣса и заливные луга, кои онъ каждое лѣто обзрѣваетъ, провѣряя свою лѣсную стражу. Луга, находящіеся въ арендѣ, очень портятъ свиньи сосѣдней деревни. Замѣтивши потраву, помѣщикъ вытаскиваетъ браунингъ и

начинает охоту за деревенскими свиньями, укладывая их пѣлыми десятками... А мужики молчатъ, ибо они же арендуютъ у него луга, крадутъ его лѣсъ и проч. Такъ обѣ стороны изучаютъ на практикѣ теорію «священной собственности»...

А вотъ «лѣвый», несмотря на свою профессію... православнаго псаломщика... Неглупый и довольно развитой молодой человѣкъ разсказывалъ, пресерьезно вѣря въ истинность своихъ нелѣпныхъ разсказовъ, будто во время «московскаго бунта» 1905 г. митрополитъ московскій Владимиръ «приказалъ убить» революціонеровъ, искавшихъ убѣжища въ храмѣ, гдѣ онъ служилъ обѣдню»...

Еще курьезнѣе были басни этого «лѣваго» псаломщика (такое совмѣстительство теперь въ порядкѣ вещей и на болѣе высокихъ ступеняхъ церковной іерархіи...) о недавнемъ прошломъ. Ничтоже сумняся, онъ разсказывалъ, какъ въ 1890-хъ годахъ былъ якобы полученъ «указъ задавить 6 младенцевъ, родившихся по собачьему положенію—въ одинъ день», у какой-то бабы подъ с. Работками (Нижегор. губ.)... Тамъ же якобы у другой бабы «родился младенецъ съ копытками, который сейчасъ же удралъ отъ матери подъ печь, и уже на другой день заговорилъ, и даже сталъ ругаться матерно»... Но это чудо «указа» не дождалось, такъ какъ, вволю наругавшись, убралось на тотъ свѣтъ.

Помимо подобной смѣхотворной полуинтеллигенціи, есть въ провинціи и настоящая интеллигенція, безъ кавычекъ, но и она въ большинствѣ либо сидитъ, закупорившись въ своихъ мурьяхъ, и отливаетъ отъ общественнаго дѣла, либо ведетъ послѣднее кое-какъ, чисто въ декоративномъ смыслѣ. Любопытную исторію разсказывалъ интеллигентный купецъ г. Кириллова (Новгород. губ.). Наканунѣ «революціи» образовался у нихъ дружный кружокъ мѣстной интеллигенціи, который задумалъ хорошее дѣло—издавать газету, но предварительно выпустить общедоступный «календарь-альманахъ», а въ немъ дать популярныя очерки по всевозможнымъ, необходимымъ для народа, отраслямъ знаній—по праву, сельскому хозяйству и т. д. Инициаторы рассчитывали, что подготовленный такимъ руководящимъ сборникомъ народъ почувствуетъ нужду и въ газетѣ. Дѣло въ кружкѣ закипѣло, всѣ дружно работали, подготавливая матеріалъ для альманаха и—вдруг!—все лопнуло, когда кружокъ лишился двухъ лучшихъ работниковъ: одинъ умеръ, другой былъ «изъятъ изъ употребленія»... Разсказчикъ недоумѣвалъ:

— Отчего это мы, русскіе, начинаемъ всякое дѣло горячо, а потомъ остываемъ и бросаемъ, не кончивши?..

— Это признакъ переутомленія, а можетъ быть и начинающагося вырожденія націи...

— А по-моему, таково ужъ свойство народнаго характера...

— Однако, раньше его не было: въ народѣ, строившемъ русскую землю, было достаточно и энергіи, и предприимчивости, и работоспособности...

Бесѣда эта происходила на пароходѣ «Надежда», рейсирующемъ по «системѣ герцога Вюртембергскаго» и р. Шекснѣ, до Рыбинска. Пароходъ принадлежитъ недавно образовавшемуся «Кирилловскому пароходному товариществу», пайщиками котораго состоятъ жители гор. Кириллова и его уѣзда. Дѣло поставлено хорошо, быстро растеть и общаетъ блестящую будущность. Главный инициаторъ и руководитель этого дѣла, на своихъ плечахъ вынесшій весь трудъ постановки новаго предиріятія и притомъ трудившійся совершенно даромъ, теперь съ грустью рассказываетъ, какъ пайщики, палець о палець не ударившіе для общаго дѣла, столь придирчиво «критикують» дѣятельность инициатора, что ему приходится на все махнуть рукою и даже выйти изъ пайщиковъ созданнаго имъ дѣла...

Это—тоже російская черта: оплевать всякаго общественнаго дѣятеля, хотя чуточку выдѣляющагося изъ рядовой массы посредственностей-лежебоковъ... Но, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что сами общественные дѣятели почти всегда даютъ поводы къ нареканіямъ на нихъ. Вотъ и этотъ организаторъ Кирилловскаго пароходства, несомнѣнно, человекъ почтенный, порядочный и довольно интеллигентный для своего купеческаго званія, вызвавшій большія симпатіи къ себѣ, какъ къ общественному дѣятелю, вдругъ подложилъ самъ себѣ такую свинью, что пришлось развести руками...

Въ столовую рубку II класса (на «Надеждѣ» очень практичное новшество—упраздненъ дорогой и излишній I классъ, а на его мѣсто—на носу—устроенъ II классъ, все же остальное пространство отведено III классу, удобно устроенному) входитъ пароходный буфетчикъ и въ бесѣдѣ съ г. К. (вышеупомянутымъ инициаторомъ) жалуется на плохую торговлю буфета. К. замѣчаетъ ему:

— Рано ты сталъ плакаться: вѣдь пароходъ дѣлаетъ первый рейсъ... и посмотри, какъ много пассажировъ!.. пустовать не будетъ...

— Много-то ихъ много, а намъ толку отъ нихъ мало, потому—ничего не пьютъ!..

— А ты погоди!.. вотъ пойдутъ домой съ плотовъ боровляне¹⁾, такъ они у тебя оставятъ весь свой заработокъ... Въ прошлую навигацію я бѣжалъ съ ними на пароходѣ отъ Череповца до Топорни²⁾, такъ они выпили за этотъ перегонъ 5 четвертей водки... Вотъ тогда и ты не зѣвай!..

Почтенный коммерсантъ передалъ буфетчику этотъ «благый совѣтъ» насчетъ спаиванья несчастныхъ бурлаковъ совершенно серьезно и сочувственно къ положенію спаивателя!.. Очевидно, тутъ сказалась кулаческая жилка, которая невольно сквозитъ и

¹⁾ Такъ называются здѣсь сгонщики плотовъ, бурлаки.

²⁾ Пристань на Шекснѣ, откуда начинаются каналы «Вюртембергской системы».

въ самомъ интеллигентномъ коммерсантѣ, даже просто въ чело-
вѣкѣ купеческаго происхожденія.

Кулачество не чуждо и другимъ сословіямъ, и вообще людямъ полуинтеллигентнымъ всякихъ сословій. Какъ, на примѣръ, много кулачества въ иныхъ земствахъ... Не умѣя или не имѣя силъ за-
ставить богатыхъ людей уплатить земскія недоимки, накапливающіяся
десятками тысячъ, земства чисто по-кулацки выдавливаютъ изъ
крестьянской бѣдности гроши... Въ Кадниковскомъ у. (Вологод-
ской губ.) у крестьянъ масса маленькихъ водяныхъ мельничекъ,
работающихъ больше для своихъ хозяевъ, чѣмъ на сторону. И всѣ
эти «кустарныя» мельнички, даже полуразрушенныя, стоящія безъ
работы и безъ воды, всѣ одинаково обложены земскимъ налогомъ
по 2 рубля... Крестьяне протестуютъ противъ этого несправедливаго
и для нихъ тяжелаго налога, но дальше словесныхъ протестовъ не
идутъ и ничего добиться не могутъ.

И въ большинствѣ земствъ — «дита плачеть», а мать-земство
«не разумѣтъ...» Какіе ужасы происходили на рѣкѣ Ветлугѣ въ
холерную эпидемію прошлаго лѣта, благодаря чисто декоратив-
ной дѣятельности мѣстныхъ земствъ!.. Одинъ ветлужанинъ писалъ
мнѣ о Варнавинскомъ уѣздѣ (Костромской губерніи):

«У насъ эпидемія началась съ конца іюня и тянется доселѣ
(августъ), то стихая, то вспыхивая вновь. Она охватила весь уѣздъ,
начавшись близъ Варнавина, и отсюда по Ветлугѣ заразила почти
всѣ прибрежныя деревни. Число жертвъ опредѣляется минимумъ
въ одну тысячу, со смертнымъ исходомъ не менѣе 500 человекъ».

«Холера захватила насъ врасплохъ. Наше земство цѣлыхъ
пять лѣтъ потратило на обсужденіе мѣропріятій на случай ея по-
явленія и — ровно ничего не сдѣлало... Въ уѣздѣ не оказалось ни
одного барака, если не считать городского, ибо онъ былъ безъ пола...
И все-таки имъ пользовались, пока не пріѣхалъ вице-губернаторъ,
который сейчасъ же велѣлъ его закрыть. Всѣ больницы въ уѣздѣ
и городская обращены въ холерные бараки. Медицинскаго персо-
нала не хватало и въ обычное время, а въ эпидемію тѣмъ паче.
Правда, было прислано нѣсколько «отрядовъ», но изъ нихъ два
врача черезъ двое сутокъ отказались работать, по первому со-
стоянію» (sic)...

«Для постоянного медицинскаго персонала работы была ги-
бель въ первое время, когда приходилось ѣздить по деревнямъ —
собирать больныхъ, хоронить умершихъ и т. д. Впечатлѣнія тамъ
были ужасныя... Страдная нора: сѣнокосъ, жнитво и — два-три
покойника въ избѣ, и это работники самаго цвѣтущаго возраста...
Нерѣдки случаи вымиранія цѣлой семьи... Всюду плачъ, стоны,
слезы... стонутъ и умирающіе, и оставшіеся въ живыхъ, и вольные-
невольные зрители... О подавленномъ настроеніи всѣхъ нечего и го-
ворить. Всѣ, какъ напуганные зайцы, боятся другъ друга, бѣгутъ

въ лѣса, прячутся отъ медицинскаго персонала, теряютъ вѣру въ его помощь... Былъ сплошной ужасъ...»

Давно отмѣчено любопытное явленіе, что чѣмъ дворянистѣе земство, тѣмъ оно декоративнѣе и дальше отстоитъ отъ народа. А Варнавинскій уѣздъ еще богатъ дворянами-помѣщиками... Еще болѣе богатъ ими сосѣдній уѣздъ Нижегородской губерніи—Васильскій. Съ самаго открытія земства тутъ царитъ—по выраженію васильчанъ—«демидовщина», то есть фамилія богатыхъ дворянъ Демидовыхъ, дающая предводителей дворянства, предсѣдателей земской управы, земскихъ начальниковъ и т. д. Должность предсѣдателя земской уѣздной управы—наслѣдственная въ фамиліи гг. Демидовыхъ...

Мало того: уѣздная управа находится—единственный фактъ въ Россіи, и фактъ возмутительный!—не въ уѣздномъ городѣ Василѣ, а въ резиденціи гг. Демидовыхъ—въ селѣ Быковкѣ, отстоящемъ въ тридцати верстахъ отъ города... Понятно, съ какими неудобствами соединено это крайнее безобразіе: кому нужна земская управа, тому часто нужны и казначейство, и полиція, и другія уѣздныя учрежденія, пребывающія въ Василѣ, и обыватель вынужденъ колесить между Василемъ и Быковкой, тратить время, деньги и прочее. Много разъ васильчане хлопотали о прекращеніи этого безобразія, но «демидовщина» сильна и отстаиваетъ удобный для себя «порядокъ»...

Въ этомъ же родѣ и другіе «порядки» васильскаго земства, чуть ли не самаго захудалаго въ Поволжьи: школъ мало и о всеобщемъ обученіи вопросъ не поднимается; дороги отвратительныя, а на прекрасномъ старомъ Екатерининскомъ большакѣ вѣковыя березы рубятся на дрова для земскихъ учреждений; медицинская помощь недостаточная; въ уѣздѣ, богатомъ садами, нѣтъ садовыхъ инструкторовъ, какъ нѣтъ ихъ для очень развитаго здѣсь кустарнаго производства мебели; пожарная часть въ забросѣ и пр. и пр.—вездѣ одни минусы и ни одного, хотя бы крошечнаго, плюсика!..

Каковъ полъ, таковъ и приходъ: даже «третій элементъ» васильскаго земства не на высотѣ положенія... Одна исторія прошлаго лѣта раскрыла удивительные «порядки» земской больницы, находящейся въ Василѣ. Казалось бы, что городская больница должна быть примѣрною, а выходитъ наоборотъ...

Какъ-то въ началѣ августа васильчане съ негодованіемъ узнали, что среди бѣлаго дня на улицѣ больничный служитель напалъ и жестоко избилъ почтеннаго горожанина г. К.—на, человѣка уравновѣшеннаго, порядочнаго, неспособнаго, что называется, муху обидѣть. Служитель же извѣстенъ за очень грубаго и выпивающаго человѣка, способнаго въ хмелю на всякое хулиганство. Полагали, что онъ избилъ г. К., какъ пьяный нахаль, ни за что, ни про что. Но оказалось другое: г. К. по профессіи прекрасный

столяръ и, кромѣ мебели, дѣлаетъ гробы и приглашается на похороны въ качествѣ распорядителя, умѣющаго замораживать трупы и пр. На помощь себѣ онъ беретъ одного горожанина, но не обращается къ больничнымъ служащимъ, тоже претендующимъ на роль распорядителей при похоронахъ.

Дѣйствительно, на дешевыя похороны приглашаютъ служителей и они участвуютъ въ нихъ всѣмъ своимъ составомъ, выступая носильщиками и т. д. Спрашиваю: кто же въ этихъ случаяхъ остоается при больныхъ въ больницы?

— Можеть быть, водовозъ...—отвѣчаетъ васильчанинъ.

— Гдѣ тамъ!—перебиваетъ другой:—больничный водовозъ цѣлый день возить воду, то въ больницу, то къ своему врачу, за версту отъ больницы, то на квартиры богатыхъ дачниковъ—клиентовъ врача...

— Все же сидѣлки остаются при больныхъ...

— Не всегда... какъ уродятся яблоки—сидѣлка цѣлые дни проводятъ въ садахъ смотрителя больницы, убирая яблоки...

Объ этомъ смотрителѣ больницы васильчане говорятъ, что онъ служить, вѣроятно, изъ одного удовольствія, такъ какъ самъ человѣкъ богатый—имѣетъ дома, сады, торгуетъ мясомъ и проч., то есть не нуждается въ ничтожномъ жалованіи смотрителя... У него большія наклонности именно къ торговлѣ, которую онъ завелъ даже въ больницы: жалованье служащимъ, сидѣлкамъ и др. выдаетъ часто не деньгами, а своими товарами—чаемъ и прочимъ.

Понятно, что служители ищутъ приватнаго заработка на похоронахъ и озлоблены на г. К—на, не зовущаго ихъ на болѣе выгодныя похороны. За это и былъ онъ избитъ...

Горожане все же полагали, что служитель-хулиганъ, избившій невиннаго человѣка, будетъ немедленно изгнанъ изъ больницы, гдѣ нельзя держать грубаго и часто пьянаго человѣка, способнаго и большихъ бить... Увы! все начальство больницы горой стало на защиту своего хулигана и весь гнѣвъ свой обратило на пострадавшаго г. К—на...

Для перевязки своихъ ранъ онъ отправился въ больницу въ сопровожденіи жившаго въ его домѣ дачника—военнаго доктора изъ Петербурга. Земскаго врача не было на мѣстѣ: онъ уѣхалъ въ уѣздъ на частную практику, бросивши больницу (какъ дѣлаетъ часто) на руки невѣжественнаго фельдшера (кажется, изъ «ротныхъ фельдшеровъ»), не сумѣвшаго даже разобрать докторскій значокъ на мундирѣ военнаго доктора... Зазнавшійся фельдшеръ, уполномоченный земскимъ врачомъ даже на незаконное производство серьезныхъ операцій (въ моментъ прихода К—на съ военнымъ докторомъ фельдшеръ былъ занятъ операціей надъ раздробленной рукой дѣвочки... хотя въ городѣ былъ уѣздный врачъ...), былъ такъ дерзокъ и нахаленъ, что не хотѣлъ пустить въ больницу доктора меди-

чины даже послѣ того, какъ онъ объявилъ себя таковымъ... Но докторъ настоялъ на своемъ и присутствовалъ при наложеніи фельдшеромъ повязокъ на избитое лицо и голову г. К—на, давши первому жестокой нагоняй за грязный фартукъ на немъ, грязныя руки его, грязныя ножницы, грязныя бинты и т. п.

Когда черезъ нѣсколько дней вернулся земскій врачъ, и г. К—нъ обратился къ нему (около квартиры врача) съ просьбой выдать свидѣтельство больницы о нанесенныхъ ему ранахъ, для представленія въ судъ, врачъ грубо отказалъ въ выдачѣ свидѣтельства и нахально сказалъ больному, еще не оправившемуся отъ ранъ:

— Убирайтесь!.. а если явитесь въ больницу—велю сторожамъ выпнать васъ!..

Таковъ этотъ «земскій врачъ» и таковы «порядки» «образцовой» больницы дворянскаго земства...

VII.

Полуинтеллигенція преобладаетъ и въ рядахъ администраціи, существующей у насъ не столько ради существа дѣла, сколько для декораций и «украшеній»... Каталась какъ-то по Волгѣ одна высокая особа и добралась до Васильскаго уѣзда, на границахъ котораго—въ селѣ Юринѣ—собралась встрѣчать особу вся администрація—исправникъ, земскіе начальники, становые пристава и другіе. Трое сутокъ они тамъ дежурили и—трое сутокъ уѣздъ оставался безъ власти... и остался цѣль и невредимъ: пасомое властями стадо не разбѣжалось, и волки его не расхитили... Говорю по этому поводу одному представителю власти:

— Вотъ вамъ блистательное доказательство бесполезности и декоративности вашего существованія!.. Трое сутокъ уѣздъ преспокойно прожилъ при полномъ отсутствіи властей, и такъ же бы отлично прожилъ и мѣсяцы, и годы... Очевидно, вы—одно «украшеніе», придуманное для оживленія соннаго пейзажа...

«Власть» не обидѣлась, а только посмѣялась, видимо, сознавая въ глубинѣ души правду этихъ словъ...

Насколько это «украшеніе» бесполезно для обывателя, приведу маленькое извлеченіе изъ дневника жителя города Василя всего за два дня, относящихся къ «періоду успокоенія».

«7 августа (1910 г.). Сегодня случайно обнаружилось двойное убійство: убить сторожъ при нефтяныхъ бакахъ и его дочь... Сегодня же ограбленъ дачникъ, днемъ, въ чертѣ города—около земской больницы, двумя субъектами, отнявшими револьверъ, 50 рублей и прочее. Дачникъ не заявилъ полиціи и сбѣжалъ, чтобы не отвѣтить за ношеніе оружія (sic!)... Сегодня же обокрадена семья дачниковъ, но воръ пойманъ ими же, вещи отняты, — полицію не беспокоили...

«8 августа. Обокрадена квартира учительницы (въ третій разъ за два года), о чемъ увѣдомлена полиція... На пристани возчикъ яблокъ проломилъ голову другому и сбѣжалъ. Городовые и стражники, «дежурящіе» больше въ трактирахъ, чайныхъ и пивныхъ, опоздали къ дракѣ и «для порядка» арестовали невиннаго чело-вѣка, но публика его отбила... Въ портерной пироваль съ городо-вымъ «артистъ» шарманки съ петрушкой и ударилъ сидѣвшаго за сосѣднимъ столомъ васьчанина, фізіономія котораго не попра-вилась «артисту». Городовой исчезъ, а васьчане вздули артиста основательно, послѣ чего онъ «очень извинялся» предъ побившей его публикой...»

Имѣйте въ виду, что въ Василѣ постоянно пребываютъ до 30-ти стражниковъ, изнывающихъ отъ бездѣйствія и скуки. Можно бы кажется, поддерживать съ ними порядокъ, а его нѣтъ... Когда из-битый г. К.—нъ (см. выше) бросился за помощью противъ хулигана въ казарму стражниковъ, они заявили, что «безъ приказа исправ-ника» не могутъ помочь ему... А исправникъ живетъ въ двухъ вер-стахъ отъ казармы!..

Прошлою зимою въ Ядринскомъ (Казанской губерніи) и Кур-мышскомъ (Симбирской губерніи) уѣздахъ появилась масса вол-ковъ, которые стаями ходили днемъ по дорогамъ, нападая на лю-дей и истребляя скотъ. У населенія оружія нѣтъ: все отобрано по случаю «революціи»... И подлый звѣрь размножается въ небыва-ломъ количествѣ и становится бичомъ населенія мѣстныхъ уѣздовъ. Обыватели резонно замѣчаютъ:

— Отчего бы не высылать стражниковъ на истребленіе волковъ?! Если соединить отряды ихъ изъ трехъ-четырехъ уѣздовъ, полу-чится внушительная сила, которая могла бы въ конецъ истребить волковъ... И для стражниковъ была бы хорошая практика, и насе-ленію оказали бы большое добро... Вотъ гдѣ слѣдовало бы сказать: «патроновъ не жалѣть!..» А вмѣсто такой полезной службы обще-ству стражники спятъ и ничего не дѣлаютъ, а стоятъ дорого...

Такихъ дорогихъ декорацій у насъ вездѣ понаставлено видимо-невидимо. Взять хотя бы пресловутыхъ земскихъ начальниковъ, уже отпраздновавшихъ недавно свой первый юбилей (неужели не послѣдній?!), хоть весьма скромно—только въ «своей семьѣ», безъ участія опекаемаго ими населенія... Какъ заликовали было обыва-тели, когда государственная дума подняла вопросъ объ упразд-неніи этого архаическаго, несмотря на свою молодость, учрежденія. Увы! гора родила мышъ: государственная дума (въ декабрѣ 1909 г.) къ великому разочарованію обывателей, остановилась на полдо-рогѣ, оставивши этотъ институтъ и только отнявши у него судеб-ныя функціи. Спасибо, конечно, и за то...

Въ 1902 году въ воронежскомъ окружномъ судѣ, при разборѣ дѣла о сопротивленіи влатсямъ крестьянъ одного села въ Бобров-

скомъ уѣздѣ, спорившихъ о землѣ съ помѣщиками Станкевичами, крестьянинъ Андрей Малаховъ (руководитель крестьянъ) обронилъ очень характерное выраженіе: «теперь мы пожалованы земскими начальниками...»

Отъ этого милостиваго «пожалованія» зачесались крестьянскіе затылки въ первые же моменты учрежденія института и чешутся доселѣ... Вся крестьянская Русь поголовно—и правая, и лѣвая, и черная, и красная, рѣшительно вся негодуетъ на опеку земскихъ начальниковъ. И освобожденіе отъ нея будетъ привѣтствоваться народомъ такъ же радостно, какъ 50 лѣтъ назадъ освобожденіе отъ помѣщичьей опеки...

Исторія когда-нибудь расскажетъ, какую массу зла натворилъ и продолжаетъ творить этотъ институтъ, почти сплошь очутившійся въ рукахъ самой первобытной полуинтеллигенціи, а часто и того хуже—въ рукахъ просто дикихъ людей. Когда нѣсколько лѣтъ назадъ въ Васильскомъ уѣздѣ проворовался одинъ земскій начальникъ (братски подѣлилъ съ волостнымъ старшиною 16 тысячъ какихъ-то крестьянскихъ денегъ), тогдашній губернаторъ отстоялъ его отъ суда (земскій внесъ до ревизіи 8 тысячъ, а старшина не внесъ и пошелъ подъ судъ), оправдываясь, что «некому быть земскимъ начальникомъ—нѣтъ людей на эти мѣста»...

Дѣйствительно, «на эти мѣста» нѣтъ охотниковъ изъ настоящихъ людей... Въ земскіе начальники Макарьевского уѣзда (Нижегородской губерніи) попалъ какъ-то мѣстный помѣщикъ З., долго служившій въ нашихъ заграничныхъ посольствахъ и совершенно забывшій русскую жизнь. Ожидая къ себѣ съ визитами мѣстныхъ властей, онъ обстоятельно разспросилъ, какъ кого слѣдуетъ принимать, но перепуталъ названія должностей, благодаря чему разыгрались такія сцены: явившагося первымъ урядника З. очень изысканно принялъ въ гостиную и представилъ своей женѣ—испанкѣ, а относительно пріѣхавшаго затѣмъ исправника распорядился: «дать ему стаканъ водки и гнать въ шею!..»

Земскій начальникъ сосѣдняго Семеновскаго уѣзда князь В. присудилъ одного крестьянина... «къ каторгѣ»!.. Князя поспѣшили убрать, опасаясь, что онъ додумается и до смертной казни...

Въ другомъ уѣздѣ спрашиваютъ земскаго начальника:

— Почему вы не обѣзжаете свой участокъ?

— Зачѣмъ?—смотреть на дырявыя крышки и рваные зипуны?!

У меня много дѣла и въ канцеляріи...

Другой такой же канцелярскій дѣятель рѣшительно отказывалъ въ устройствѣ школъ, говоря: «сначала падо накормить васъ».

А кормятъ они мужиковъ все впроголодь... Въ голодный 1902 г. земскіе начальники Васильскаго уѣзда не давали крестьянамъ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ, цинично мотивируя отказы

такъ: «получивши свой хлѣбъ, мужики не пойдутъ къ намъ работать»...

У одного изъ этихъ чиновниковъ-помѣщиковъ произошелъ та кой діалогъ съ черемисомъ, получившимъ о казѣ въ выдачѣ «гамазѣйнаго» хлѣба:

— Сколько у тебя лошадей?

— Двѣ.

— Одну продай... А коровъ сколько?

— Двѣ.

— Одну продай... А овецъ?

— Двадцать.

— Десять продай... Вотъ тебѣ и хлѣбъ на всю зиму!..

Но черемисы не послѣдовали этому нехитрому рецепту и предпочли продавать амбары, бани и т. п., да покупали у богатыхъ черемисовъ старыя кладя хлѣба, превратившагося въ навозъ... Одинъ васильчанинъ купилъ у черемиса рожь, лежавшую двадцать лѣтъ въ скирдѣ: зерно оказалось такъ черно, горько, невкусно— «отдавало смолою», что пришлось стравить весь хлѣбъ коровѣ, да и та ѣла крайне неохотно— «воротила морду». А черемисы питались такимъ «хлѣбомъ», проклиная сытыхъ опекуновъ...

Въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ (Владимирской губ.) одинъ земскій начальникъ отличался буйнымъ нравомъ: ругался, дрался, спускалъ мужиковъ съ лѣстницы (камера его помѣщалась во второмъ этажѣ), но въ то же время этотъ «столбовой дворянинъ» не гнушался занимать безъ отдачи деньги у своихъ подчиненныхъ— волостныхъ старшинъ, старостъ, писарей и т. д.

У одного земскаго начальника Варнавинскаго уѣзда (Костромской губ.) была любимая собака «Бульда», презлая нравомъ и видомъ похожая на волка. Много зла она падѣлала мужикамъ, повадившись таскать ягнать изъ стада. У бѣдной вдовы, имѣвшей всего пять ягнать, «Бульда» сожрала трехъ, то есть по меньшей мѣрѣ на 5 рублей. Вдова бросилась къ земскому начальнику, но тотъ не далъ ей ни копейки и сказалъ: «я посажу «Бульду» на цѣпь... да она не любитъ цѣпи»... Выше вдова не жаловалась, опасаясь, что «всему обществу достанется»... Позже мужики догадались убить «Бульду».

Курьезны «уѣздныя сѣзды» земскихъ начальниковъ въ ихъ «судебныхъ» гласныхъ засѣданіяхъ : «смѣхъ и горе»—только и можно про нихъ сказать... Собираются они на два-три дня въ мѣсяцъ и скоропалительно «рѣшаютъ» за такую короткую сессію, засѣдая по пяти часовъ въ день, до 200 дѣлъ и больше... Въ городѣ Василѣ предсѣдатель сѣзда, предводитель дворянства Зубовъ (покойный), болѣе десяти лѣтъ страдалъ глухотою, и все же продолжалъ «предсѣдательствовать» на сѣздѣ. Молодые сочлены послѣдняго, соскучившись на засѣданіи, уходили въ сосѣднюю ком-

нату (клуба) и принимались играть на роялѣ. Музыка прекрасно доносилась въ залъ засѣданій, публика возмущалась, а глухой предсѣдатель и ухомъ не вель... Сплошь и рядомъ у него происходили такіа сцены:

Судятъ крестьянина за недозволенную охоту на лося. Зубовъ говорить подсудимому, начиная съ своего любимаго и бессмысленнаго приговора:

— Большею частью и тому, подобное... вѣдь ты сознался, убилъ лося?..

— Не убивалъ, ваше в—е!..

— Ну!... большею частію и тому подобное... значитъ, сознаешься?

— Никакъ нѣтъ, ваше в—е, не сознаюсь!..

— Вотъ и прекрасно, что сознаешься!..

— Не сознаюсь!..—кричитъ уже подсудимый.

— Это... большею частію и тому подобное... очень хорошо, что ты сознаешься...

Наконецъ на помощь приходитъ сочленъ и кричитъ на ухо предсѣдателю, въ чемъ дѣло...

Если отъ этихъ непосредственныхъ опекуновъ народа обратимся къ общей администраціи—и тамъ найдемъ ту же декоративную дѣтельность... Безъ году недѣля прошла, какъ введенъ «законъ 9 ноября», разрушающій вѣковую общину, увеличивающій сельскій пролетаріатъ (усиленные кадры будущей «пугачевщины»...), создающій скудныхъ землею «хуторянъ» и богатыхъ «новыхъ помѣщиковъ», какъ г. Столыпинъ уже обозрѣлъ свое созданіе и открылъ «блистательные результаты» въ теченіе такого короткаго періода дѣйствія новаго закона...

Но обыватели знаютъ настоящую подкладку этихъ «отрубныхъ» и «хуторскихъ» декорацій... Казалось бы, что выселеніе на отруба будетъ полезною мѣрою въ тѣхъ случаяхъ, когда часть селенія переселяется на свои дальнія земли, или мало обрабатываемыя, или совсѣмъ заброшенныя, или сдаваемые въ аренду другимъ обществамъ. Однако и въ подобныхъ случаяхъ крестьяне неохотно идутъ на отруба, а гдѣ переселились на нихъ, прельщенные разными льготами и пособиями, тамъ уже стали «плакаться» на переселеніе и мечтаютъ о возвращеніи обратно, въ свои насиженные гнѣзда, болѣе удобныя для житія, чѣмъ насипѣхъ и кое-какъ оборудованные отруба. Такой случай произошелъ, напримѣръ, въ Наровчатскомъ уѣздѣ (Пензенской губерніи): часть крестьянъ с. Вечкинина переселилась на свою дальнюю землю и образовала деревню Александровку, а теперь уже «плачется и желаетъ вернуться обратно»... Такихъ примѣровъ масса.

Къ какимъ блистательнымъ результатамъ приводитъ «законъ 9 ноября»—приведу въ извлеченіи два сообщенія изъ поволжскихъ газетъ, какъ весьма типичныя. Въ № 373 симбирской газеты «Волжскія

Вѣсти» (отъ 1 іюля 1910 г.) сообщалось, что «со времени изданія указа 9 ноября 1906 г. объ укрѣпленіи въ личную собственность земельныхъ душевыхъ надѣловъ, въ с. Хрящевкѣ появилась масса новыхъ помѣщиковъ», среди которыхъ первую роль играетъ богатый мельникъ-крестьянинъ П. Г. Гордѣевъ, купившій къ 1 іюля 60 надѣловъ, около 390 десятинъ, въ среднемъ по 35 р. за десятину, тогда какъ самъ сдаетъ эту землю въ аренду по 25—30 р. за надѣлъ...

Въ № 888 самарской газеты «Волжское Слово» (отъ 4 іюля 1910 г.) читаемъ, что въ одномъ сельскомъ обществѣ Новоузенскаго уѣзда нѣмецкіе колонисты скупили 250 «душъ», т. е. больше 3 тысячъ десятинъ. Сельское общество хотѣло само скупить эти земли, но земскій начальникъ не позволилъ, ссылаясь на то, что общество якобы «не имѣетъ права» скупить (!?...)... Изъ 250 продавцовъ челоуѣкъ 5—6 пустили деньги въ дѣло, а остальные все пропили, «погулявши» всласть... И такихъ примѣровъ масса..

Та же черта декоративности присуща и всякимъ другимъ новымъ мѣропріятіямъ администраціи. Вышелъ, на примѣръ, новый законъ о клейменіи вѣсовъ, а въ результатъ произошло сокращеніе базаровъ: «мужики боятся пріѣзжать на базары»... За клейменіе старыхъ вѣсовъ берутъ 3 рубля, и клейменіе надо производить черезъ 3 года. Хотя чиновники пробирной палатки ѣздятъ по уѣздамъ, но ихъ не всегда и не вездѣ поймашь, а ѣздить въ губернскій городъ и дорого, и неудобно. Понятно, крестьяне просрочиваютъ и не торопятся возобновлять клейма, а полиція составляетъ протоколы и гонитъ съ базаровъ. Новые же клейменные вѣсы стоятъ очень дорого, не по мужицкому карману—10—12 р., хотя красная цѣна имъ 2—3 р.

Такъ вотъ у насъ во всемъ, въ большомъ и маломъ, то недосоль, то пересоль... Не мудрено, если обыватели игнорируютъ неудобные для нихъ законы, или обходятъ ихъ при помощи тѣхъ же представителей власти. Одинъ изъ нихъ гдѣ-то заявилъ обывателямъ:

— Вы первые нарушители закона!..

— Да, но потому, что вы—первые продавцы закона!..—отпарировалъ обыватель.

Декоративность въ обилии наблюдается на самыхъ верхахъ провинціальной администраціи. Нижегородскій губернаторъ г. Шрамченко (наканунѣ своего неожиданнаго перевода въ Вологду) вздумалъ прокатиться по своей губерніи, воспользовавшись чисто лѣтней весенней погодой. Въ с. Исадахъ его встрѣтилъ исправникъ Макарьевскаго уѣзда, одѣтый, вслѣдствіе жары, въ походную тужурку. И досталось же этой тужуркѣ отъ губернатора... Такъ жестоко онъ пробралъ исправника за его «вольномысліе»—за встрѣчу не въ мундирѣ, что теперь, говорятъ, исправникъ даже въ баню ходитъ въ мундирѣ и со всѣми регаліями: а ну какъ въ банѣ попадется губернаторъ?!..

Преемникъ г. Шрамченка въ Нижнемъ—г. Хвостовъ (бывшій вологодскій губернаторъ) при первомъ свиданіи съ гласными городской думы заявилъ о своемъ желаніи заняться отнюдь не городскими дѣлами, а... соединеніемъ Волги съ Сѣверной Двиною посредствомъ р. Костромы и притоковъ р. Сухоны... Это бы еще не бѣда, что губернаторъ фантазируетъ, вмѣсто того, чтобы заниматься своимъ прямымъ дѣломъ... Но удивительно, что бывшій вологодскій губернаторъ не знаетъ, что Волга давнымъ-давно соединена съ Сѣверной Двиною «системою герцога Вюртембергскаго», что Вологда лежитъ вблизи этой системы и что изъ Вологды можно проѣхать воднымъ путемъ на Волгу.

Именно этимъ путемъ я проѣхалъ прошлымъ лѣтомъ на пароходахъ изъ Вологды до Рыбинска—по рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ, озеромъ Кубенскимъ и по «Вюртембергской системѣ», очень старой, запущенной, небрежно содержимой, но оживленной значительнымъ движеніемъ судовъ, значить—жизнеспособной и могущей прогрессировать. Существуетъ нѣсколько проектовъ улучшенія и развитія этой системы, на что и надо добиться казенной, сравнительно небольшой, субсидіи, а не бросать казенные милліоны на фантазіи г. Хвостова, собирающагося ломиться въ открытую дверь...

Заканчиваю эту главу своего рода апопееозомъ нашей администраціи... Пароходъ «Ломоносовъ» подошелъ къ пристани заштатнаго города Красноборска, на Сѣверной Двинѣ (ниже Котласа). Высыпавшіе на балконъ немногочисленные пассажиры были поражены необычайнымъ весельемъ, царившимъ на пристани. Собравшіеся тамъ горожане потѣшались надъ хромымъ дурачкомъ, очень забавнымъ по костюму: онъ былъ одѣтъ въ рваный и грязный мундиръ коннаго стражника, въ красномъ картузѣ, не то лейбъ-гусара, не то начальника станціи, съ висѣвшими на перевязи ножнами отъ пашки. Молодой дурачокъ, видимо, страдалъ маніей величія и суетился на пристани, устанавливая порядокъ, подъ хохотъ и издѣвательства публики. Это его сердило, онъ горячился, огрызался, колотилъ мальчишекъ своими пустыми ножнами и продолжалъ якобы возстановлять порядокъ. Дежурившіе на пристани дѣйствительный стражникъ и водяновскій чинъ не мѣшали дурачку, потѣшаясь надъ нимъ не меньше публики и не помышляя о томъ, что дурачокъ «оскорбляетъ честь мундира»... Одинъ изъ пассажировъ замѣтилъ:

— Развѣ не олицетворяетъ этотъ дурачокъ нашу администрацію, которая воображаетъ, что она якобы «возстановляетъ порядокъ» и «правитъ народомъ»?! На самомъ же дѣлѣ народъ только отмахивается отъ всякаго начальства, какъ отъ назойливой мухи, тершитъ его до поры до времени и отводитъ душу самымъ ироническимъ отношеніемъ ко всевозможной его «дѣятельности»...

VIII.

Надо ли говорить о декоративности нашего юнаго парламента?—она всё́мъ бьетъ въ глаза... Какъ ни важенъ для народнаго самосознанія самый фактъ существованія государственной думы, но отрицательнаго отношенія народа къ ея дѣятельности нельзя скрыть. Какіе ни возьмите шаги государственной думы—и крупные, и мелкіе, и прогрессивные, и реакціонные, всё болѣе или менѣе отрицательно воспринимаются провинціей. уже напуганной серьезными промахами государственной думы и потерявшей вѣру въ нее...

Какъ негодуешь, напримѣръ, провинція на возмутительно небрежное отношеніе государственной думы къ такъ называемой «вермишели», т. е. къ мелкимъ законопроектамъ, затрагивающимъ самые жизненные интересы провинціи. Господа чиновники, засѣдающіе въ государственной думѣ, пекутъ ихъ, какъ блины, и «сбываютъ съ рукъ», подобно заправскимъ чинушамъ, или «кладутъ подъ сукно» и т. п.

И невольно у обывателей является мысль о необходимости учрежденія областныхъ думъ, кои вѣдали бы не только эту «вермишель», но и всё вообще законопроекты, касающіеся провинціи, предоставивъ государственной думѣ, значительно сокращенной въ составѣ, обсужденіе высшихъ общерусскихъ законовъ, контроль надъ администраціей и т. н. Обыватели даже намѣчаютъ число областныхъ думъ: ихъ должно быть 11, по числу естественно сложившихся областей—Московская, Поволжская, Уральская, Малорусская, Бѣлорусская, Новороссійская, Польская, Финляндская, Кавказская, Сибирская и Среднеазиатская.

Только эти областныя думы стануть близко къ народу, окунутся въ его кровныя интересы и сдѣлаются его руководителями. Нынѣшняя же государственная дума, да еще при отрицательномъ отношеніи къ ней правительства, превратится скоро въ нѣчто жалкое и смѣхотворное...

Положеніе обывателей оказывается страшно трагическимъ: отъ стараго «режима» добра не ждуть, а «новый режимъ» выразился пока въ государственной думѣ, въ которой всё уже разочаровались, да въ... дѣятельности г. г. революціонеровъ, разочарованіе въ которыхъ нисколько не меньше... Обыватели говорятъ:

— Какіе же это «апостолы новой вѣры» и «пророки новой жизни», если они окружаютъ себя самыми позорными декораціями стараго режима!.. Тотъ же у нихъ деспотизмъ, такой же «шефъ жандармовъ» г. Бурцевъ, свои «охранки», «сыски», «шпіонажъ» и т. п.

— А чего стоятъ,—подхватываетъ другой обыватель,—и какъ омерзительны всё эти «кающіеся охранники», равно какъ и «кающіеся революціонеры»...

И онъ припомнилъ, какъ въ 1890-хъ годахъ г. Амфитеатровъ, въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ «Стараго джентльмена» въ «Новомъ Времени», рассказалъ съ доказательствами въ рукахъ, что «кающіеся революціонеры», сотрудничавшіе тогда въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»—Левъ Тихоміровъ (нынѣ редакторъ ихъ), Н. Н. Говоруха-Отрокъ (нынѣ покойный) и др. «пошли въ станъ правыхъ, чтобы исполнить его до омерзѣнія» (ставлю въ кавычкахъ не буквальные слова, а мысль)... Обыватель прибавилъ:

— И мнѣ приходилось бесѣдовать съ однимъ изъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» того времени, тоже «бывшимъ», если не революціонеромъ, то радикаломъ—съ нынѣ покойнымъ врачомъ М. Н. Гл—мъ: и онъ оправдывалъ свое вступленіе въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» именно тѣмъ же мотивомъ... И Гл—й, подобно Говорухѣ-Отроку, не долго выдержалъ муку такого раздвоенія: оба они спились и рано умерли...

— Похоже,—замѣтилъ первый обыватель:—что и правые, въ родѣ этихъ «кающихся охранниковъ» и т. н., стали прибѣгать къ тому же рискованному оружію: пошли въ станъ лѣвыхъ, чтобы вызвать къ нимъ омерзѣніе общества...

Во всякомъ случаѣ, тутъ происходитъ какая-то страшная неразбериха, въ которой теряется обыватель... Все шатается, и всеобщее недовольство растетъ, а наверху увлекаются какими-то побрякушками, въ родѣ «хуторовъ» и т. н. Вездѣ—«не жизнь, а декорация»... Одинъ обыватель замѣтилъ:

— Чего же вы хотите, если у насъ даже такъ называемый «народный гимнъ»—чисто декоративный...

— Какъ такъ?!

— Очень просто: музыка этого гимна не сочинена А. Ѳ. Львовымъ¹⁾ а... списана съ стариннаго голландскаго псалма, который съ незапамятныхъ временъ поется во всѣхъ голландскихъ церквахъ разъ въ году—на первый день Пасхи...

И онъ рассказалъ, какъ прошлымъ лѣтомъ былъ въ Голландіи и въ одномъ голландскомъ домѣ хоръ дѣвушекъ и молодыхъ людей спѣлъ, подъ аккомпаниментъ рояля этотъ старинный псаломъ: и онъ буквально, тактъ въ тактъ, оказался... руссійскимъ «народнымъ гимномъ»... Провѣрить это нетрудно.

IX.

Соедините вмѣстѣ всю массу зловредныхъ вліяній, исходящихъ отъ всевозможныхъ руссійскихъ «декораций», замѣняющихъ подлинную жизнь, и вы поймете, почему мрачное настроеніе и недобрый

¹⁾ Любопытно, что, кромѣ этого гимна, за Львовымъ не числится никакихъ другихъ композицій...

предчувствія одолѣвають обывателя, одинаково—и народъ, и общество, и интеллигенцію. Тревога за будущее растетъ въ провинціи...

Вѣками сложившаяся ненависть народа къ «господамъ» значительно усилилась послѣ краха революціи, поманившей народъ въ «райскія обители», а въ дѣйствительности ничего не давшей ему... Народъ не сознаетъ, что и онъ самъ своимъ анархическимъ движеніемъ помѣшалъ «освободительному», напугавши анархіей всѣ умѣренные и «сочувствующие» слои народа и общества, и валитъ всю вину на «господъ» вообще, относя къ нимъ не только администрацію, открыто воевавшую съ революціей, но и «сочувствующую» интеллигенцію, и самихъ дѣлателей революціи, разныхъ «макратовъ», и т. д.

У народа зрѣетъ мысль, что «господа ничего для народа не сдѣлаютъ», а все хорошее долженъ «сдѣлать самъ народъ»... Какъ и что именно надо дѣлать—народъ не знаетъ. Возможны, однако, страшныя попытки народа «самому взяться за дѣло», страшныя именно потому, что у народа нѣтъ другихъ опытовъ, кромѣ «разинщины», «пугачевщины» и т. п. движеній.

И объ этомъ уже говоритъ народъ и довольно открыто, несмотря на всѣ мѣры по части «успокоенія» и «устроенія»... Осенью 1909 г. на одномъ волжскомъ пароходѣ какой-то мастеровой или рабочій громогласно проповѣдывалъ:

— Черезъ два года станемъ всѣхъ господъ рѣзать!.. всѣхъ подъярь, поголовно—чиновниковъ, купцовъ, поповъ и другихъ насисто всѣхъ...

Народъ почему-то ждетъ чего-то страшнаго именно въ 1912 году... Вѣроятно, народная память хранить воспоминанія о томъ, что «12-е годы» предыдущихъ вѣковъ были роковыми для Россіи.

Эти тревожныя ожиданія наблюдаются и въ разныхъ слояхъ полуинтеллигенціи. Одинъ представитель ея, чѣмъ-то недовольный на духовенство, говорилъ:

— Вотъ погодите!.. когда будетъ новое возстаніе, я раскрою всѣ штуки нашихъ поповъ, архіереевъ и самого синода...

Даже у примитивныхъ черемисовъ, чувашъ и другихъ инородцевъ идетъ какое-то броженіе, трудно наблюдаемое вслѣдствіе незнанія ихъ языковъ. И они что-то думаютъ насчетъ нашихъ не порядковъ, толкуютъ даже про «республику» и т. п.

Между тѣмъ обыватели увѣрены, что новый взрывъ народного недовольства было бы возможно предупредить очень нехитрымъ приемомъ: надо итти впередъ, а не топтаться не мѣстѣ и не итти назадъ, когда все говоритъ противъ такого топтанья и противъ попятнаго движенія... народъ такъ нетребователенъ и готовъ удовлетвориться малымъ...

Теперешняя же убогая реакціонная политика ведетъ уже проснувшійся народъ къ новымъ революціоннымъ взрывамъ, и къ болѣе страшнымъ, чѣмъ предыдущій... Какъ бы ни тѣшили себя спящие

вверху наступившимъ якобы «успокоеніемъ», наблюдатели низовъ не вѣрятъ въ продолжительность этого чисто наружнаго «успокоенія». И здѣсь та же російская «декорация», какъ и вездѣ у насъ...

И если хочется вѣрить, что новая «пугачевщина» у насъ немислима, то отнюдь не благодаря маниловскимъ (въ родѣ «хуторовъ») и полицейскимъ мѣропріятіямъ, а по совершенно инымъ основаніямъ. У народа уже есть своя интеллигенія, настоящая (безъ кавычекъ), изъ народа же вышедшая, которой народъ довѣряетъ и пойдетъ за нею охотно. А эта крестьянская, фабричная и т. д. интеллигенція, вскормленная тою же пищею, что интеллигенція изъ общества, не позволитъ разразиться «пугачевщинѣ» въ полномъ ея размахѣ—не допустить ни «поголовной рѣзни», ни истребленія культурныхъ начинаній и т. п.

Правда, народной интеллигенціи очень мало, да и та больше «изъята изъ употребленія», по изумительной слѣпотѣ нашихъ заправилъ, рубящихъ сучки того дерева, на которомъ сами же сидятъ.. Остается одна надежда—на здравый смыслъ и на совѣсть народа, т. е. лучшихъ его представителей. Поручкою въ этомъ многія здравыя явленія, и сейчасъ наблюдаемая въ народѣ.

Какъ быстро, напримѣръ, растутъ ряды народной интеллигенціи. Лѣтомъ 1909 г. встрѣчаю на окскомъ пароходѣ очень бѣдно одѣтаго «замочника» изъ-подъ села Павлова, ѣхавшаго домой изъ Нижняго съ дочкой 12 лѣтъ—гимназисткой. Бѣдный кустарь съ помятою гордостью рассказывалъ, какъ онъ, при помощи добрыхъ людей, «вывелъ въ люди» еще двухъ сыновей: одинъ находится въ учительскомъ институтѣ, другой въ гимназіи.

Прошлымъ лѣтомъ на пароходѣ «Братья», рейсирующемъ по «Вюртембергской системѣ», ѣхали до гор. Кириллова три крестьянскія дѣвочки, 13—14 лѣтъ, чтобы сдать экзаменъ въ 4-й классъ женской гимназіи. Окончивши двухклассное училище, онѣ еще прошли курсъ двухкласснаго же мужского училища. Отецъ одной дѣвочки помогъ своему брату добиться званія народнаго учителя и на ту же дорогу выводилъ своего сына, а дочь направилъ въ гимназію, несмотря на противодѣйствіе мачехи. Дѣвочки заплатили за пароходъ по 20 к. (отъ 5-го шлюза), а обратно домой предполагали итти пѣшкомъ, за неимѣніемъ денегъ. Онѣ имѣли при себѣ узелки со скудной провизіей, рассчитывая на даровой ночлегъ въ монастырской гостиницѣ. вообще производили трогательное впечатлѣніе.

Козьмодемьянское земство (Казанской губерніи) открыло сельскохозяйственные курсы для черемисовъ и чувашъ, и дѣло идетъ прекрасно: отъ взрослыхъ курсистовъ нѣтъ отбою... Дѣло поставлено разумно: земство не только не беретъ никакой платы, но еще помогаетъ курсистамъ, платя имъ по 40 к. въ день за работы на земскомъ хуторѣ (подъ городомъ), гдѣ устроены практическіе курсы.

Жители приволжскаго гор. Василя недавно подали петицію объ открытіи средняго учебнаго заведенія, въ которомъ давно нуждается городокъ, отставшій въ этомъ отношеніи отъ сосѣднихъ, болѣе зажиточныхъ и бѣдныхъ городковъ по Сурѣ и Ветлугѣ. Большинство подписей на петиціи принадлежитъ мѣщанамъ, кои, однако не ждутъ успѣха, такъ какъ пришлось подавать петицію нынѣшнему составу городской управы, черезчуръ далекому отъ серьезныхъ заботъ о просвѣщеніи своихъ горожанъ.

На «волжскомъ» пароходѣ «Императрица» въ одинъ изъ рейсовъ прошлаго лѣта обращалъ вниманіе пожилой студентъ, лѣтъ за 30, казанскаго университета. Онъ оказался студентомъ перваго курса медицинскаго факультета, а раньше 12 лѣтъ былъ земскимъ фельдшеромъ. Будучи семейнымъ человѣкомъ, онъ содержитъ себя и семью именно фельдшерской практикой въ Казани: съ разрѣшенія врачей принимаетъ больныхъ, помогаетъ врачамъ, занимается массажемъ и пр. Какимъ-то американскимъ духомъ вѣяло отъ этого почтеннаго и жизнерадостнаго студента-фельдшера, который и учится и семью кормить, не прибѣгая къ общественной благотворительности...

Въ деревнѣ Огурцевой, Воронинской волости Череповецкаго уѣзда, проживаетъ крестьянинъ Ѳеодоръ Егоровичъ Цѣликовъ—разносторонній изобрѣтатель. Онъ открылъ антипожарную жидкость, отъ пропитыванія коей дерево и ткани не горятъ, а медленно тлѣютъ. Его жидкость, благодаря дешевизнѣ (7 р. ведро), ходко разбирается въ округѣ. На сельско-хозяйственной выставкѣ въ Череповцѣ 1906 г. Цѣликовъ получилъ медаль и тысячу рублей субсидіи на дальнѣйшіе опыты. Ему же земство дало 200 р. на усовершенствованіе особой печи для овиновъ, устраняющей частые пожары ихъ и очень выгодной: трехъ полѣнъ достаточно для просушки 200 сноповъ... Цѣликовъ же открылъ средство противъ костоѣды и пр. пр. Изобрѣтательности его нѣтъ конца.

Растетъ въ народѣ и политическое сознаніе... На пристани Василя заспорили какъ-то русскіе и татары о преимуществахъ своихъ народностей. Споръ былъ горячій и довольно нелѣпый, особенно съ русской стороны. И вдругъ нелѣпныя притязанія русскихъ на верховенство были разбиты русскимъ же крестьяниномъ. Онъ говорилъ:

— Я за татаръ!.. потому, хоть вѣры у насъ разныя, а мы все живемъ подъ однимъ царемъ, и царь никого не конфузить: все у него равны...

Эти золотыя слова, выражающія не столько живую дѣйствительность, сколько желательное направленіе ея, произвели громадное впечатлѣніе на толпу, и споры смолкли...

Но все эти здоровыя явленія въ народѣ такъ рѣдки сравнительно съ его милліонными массами, продолжающими пребывать въ темнотѣ

временъ чуть ли не «скифовъ и сарматовъ»... И настоятельно поднимается вѣковой вопросъ: какими мѣрами можно поднять мужика?.. «Всеобщее обученіе»—дѣло доброе, но оно не подниметъ мужика, ибо дать ему простую грамотность. О болѣе же серьезномъ образованіи его мы и мечтать не можемъ, по нашей бѣдности... Сытость мужика тоже благое дѣло, но и оно мало разовьетъ его... Всего легче и скорѣе можно поднять мужика, сдѣлавши его жизнь интереснѣе, втянувъ его въ общественную дѣятельность, сначала около себя—въ маленькихъ ячейкахъ прихода, всеобщей волости, мелкой земской единицы, а попутно—и въ экономическихъ организаціяхъ (кооперативы, артели и т. п.). Тутъ онъ будетъ «живъ не о хлѣбѣ единомъ» и сразу вырастетъ во всѣхъ отношеніяхъ, раздвинувъ свои умственные горизонты до широкихъ предѣловъ. И только такая политика спасетъ Россію отъ всѣхъ грядущихъ бѣдъ, снесетъ всѣ російскія «декорации» и на мѣстѣ ихъ поставитъ подлинную жизнь.

Н. Н. Оглобинъ.

